

Серия «Классика библеистики»
Золотой фонд русской библеистики

Николай Никанорович
ГЛУБОКОВСКИЙ

**ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК
НОВОГО ЗАВЕТА
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

© Сканирование и создание электронного варианта:
Кафедра библеистики Московской духовной академии
(www.bible-md.ru) и Региональный фонд поддержки
православного образования и просвещения «Серафим»
(www.seraphim.ru), 2005.

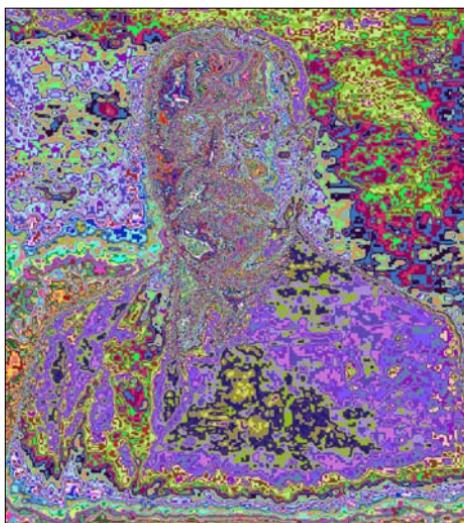
Кафедра
библеистики МДА

Фонд
«Серафим»

Москва
2005

**ПРОФЕССОР
НИКОЛАЙ НИКАНОРОВИЧ ГЛУБОКОВСКИЙ
(1863–1937)**

Николай Никанорович Глубоковский родился 6 (19 по новому стилю) декабря 1863 года в селе Кичменгский городок Никольского уезда Вологодской губернии в семье бедного сельского священника Никанора Петровича Глубоковского. Фамилия Глубоковский происходила от названия озера Глубокое, на берегу которого стояла Глубоковская Спасо-Преображенская церковь — в ней более 70 лет дед и прадед Николая Никаноровича служили дьячками.

В большой семье, насчитывавшей пять братьев и две сестры, Николай был седьмым, самым младшим ребенком. В 1866 году, когда ему было два года, отец умер и семья оказалась в трудном положении: старший брат Петр учился на 5 курсе семинарии, сестры были не пристроены. К счастью, вскоре старшая сестра Анна вышла замуж; новый зять, священник Василий Михалович Попов, проявил сострадание и вся семья переехала к нему.

Мать Николая Никаноровича понимала, что учеба является единственным средством для сына найти дорогу в жизни и старалась способствовать этому. Первоначальное образование он получил под руководством сестры и зятя, посещал занятия в местной церковно-приходской школе. Подготовка оказалась достаточно слабой, поэтому в 1873 году, по поступлению в Никольское духовное училище, его определили в подготовительный класс. В училище он занимался усердно и окончил его в 1878 году первым учеником, а в 1884 году — с отличием Вологодскую духовную семинарию, после чего был направлен за казенный счет в Московскую духовную академию. В академии он проучился пять лет, поскольку на четвертом курсе из-за досадного недоразумения с руководством он был уволен, но на следующий год восстановился. В июне 1889 года Н. Н. Глубоковский окончил МДА первым в своем выпуске, имея отличные оценки по всем предметам, со званием кандидата богословия, и оставлен стипендиатом для подготовки к профессуре на кафедре общецерковной истории.

С 16 августа 1889 года по 15 августа 1890 года под руководством известного церковного историка профессора Алексея Петровича Лебедева (1845–1908) молодой ученый работал над магистерской диссертацией о блаженном Феодорите, епископе Киррском [12]. Она принесла автору известность: сочинение вызвало широкий отклик и высокую оценку российских и зарубежных патрологов и историков Церкви.

Осенью 1890 года в судьбе Н. Н. Глубоковского произошел неприятный поворот: из-за случившегося при его обучении на четвертом курсе МДА инцидента, он не был удостоен профессуры и был направлен, в соответствии с общепринятой практикой того времени, преподавателем провинциальной духовной семинарии — Воронежской. Это было нелегким испытанием для молодого ученого. Пережив на собственном опыте трагедию временного расставания с академической средой, Николай Никанорович впоследствии много сил потратил на то, чтобы исключить ситуацию, когда молодые ученые, окончившие академию и полностью построившие свою жизнь в видах дальнейших научных исследований, вдруг оказывались выброшенными за борт духовных академий всего лишь по причине отсутствия свободных преподаватель-

ских мест. В позднейшей записке «К вопросу о нуждах духовно-академического образования» [89] он предлагал вводить в расписание академий специальные дополнительные часы, дабы удержать подготовленные перспективные молодые кадры в рамках академических структур путем удобной для них возможности приобретать преподавательский опыт, читая спецкурсы.

Целый год (с 18 октября 1890 по 21 октября 1891) провел Николай Никанорович в Воронежской духовной семинарии в качестве преподавателя Священного Писания. Здесь на него обратил внимание правящий Воронежский епископ Анастасий (Добрин, +1913), посещавший его занятия в семинарии, и летом 1891 года порекомендовал молодого ученого ректору Санкт-Петербургской духовной академии епископу Выборгскому Антонию (Вадковскому).

В результате осенью того же года Николай Никанорович был приглашен на кафедру Священного Писания Нового Завета в СПбДА, на которой трудился сначала в должности доцента, далее с 1894 по 1898 год — экстраординарного профессора, а затем — в качестве ординарного профессора вплоть до 1919 г., когда ему пришлось перейти в Петроградский богословский институт в связи с закрытием академии.

Момент занятия им кафедры Нового Завета в СПбДА в 1891 году был не лишен драматизма: в качестве претендента на эту кафедру влиятельный профессор Василий Васильевич Болотов рекомендовал Александра Петровича Рождественского (1854 – 1930), который и был избран большинством голосов Ученого совета (9 против 4). Но на том же заседании ректор епископ Антоний (Вадковский) предложил кандидатуру Н. Н. Глубоковского, и через 10 дней митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (Никольский, 1799–1892) утвердил его своей резолюцией.

Возможные шероховатости первоначального вхождения Н. Н Глубоковского в профессорско-преподавательскую корпорацию СПбДА были изглажены блестящей деятельностью ученого на ниве библейстики. Это подтверждает и то, насколько высоко ценил Николай Никанорович свое положение профессора в СПбДА, не допуская никаких служебных совмещений и отказываясь от многократных приглашений в его адрес на профессорские кафед-

ры в Санкт-Петербургском и Московском университетах.

К петербургскому периоду деятельности относится не только интенсивная научная деятельность, но и последовавшее признание Николая Никаноровича как ученого. В 1897 году Московской духовной академией Николаю Никаноровичу была присуждена степень доктора богословия за его сочинение «Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу» [6]–[8], которое было удостоены Св. Синодом полной Макарьевской премии. В 1909 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Он становится также почетным членом Киевской, Казанской и Московской духовных академий, Московского и Петроградского археологических институтов, действительным членом Императорского православного палестинского общества и ряда других научных обществ и братств. В 1904 году ему (после скончавшегося профессора СПБДА А. П. Лопухина) было доверено руководство Православной богословской энциклопедией.

Николай Никанорович постоянно привлекался высшей церковной властью к работе в различных комиссиях, создаваемых при Св. Синоде. Он готовил материалы, посвященные вопросам поводов к разводу (1895) [48], права евреев именоваться христианскими именами (1911) [96], исправления славянского перевода богослужебных книг, устройства русского богословского института в Париже и другие. Он принял активное участие в Предсоборном присутствии 1906 года, где обсуждались разнообразные вопросы преобразования церковной жизни.

Непросто складывалась семейная жизнь Николая Никаноровича. С 1890 года «спутницей его земного странствования», как выражался он сам [74], была Анастасия Васильевна, урожденная Николо-Толмачевская, но их церковный брак был оформлен лишь 27 ноября 1920 года, поскольку с 1877 по 1890 год она была замужем за учителем Николая Никаноровича — профессором МДА Алексеем Петровичем Лебедевым (+1908)...

После закрытия в 1918 году большевиками всех богословских школ, в том числе — Санкт-Петербургской духовной академии, Николай Никанорович был одним из тех, кто пытался спасти академию путем ее объединения с университетом. Несмотря

на положительное решение Совета университета этому не суждено было сбыться из-за противодействия большевистского режима. И вот тогда «жить стало физически невозможно, — вспоминал Н. Н. Глубоковский, — просто нечего было есть и негде взять» [74]. В сентябре–декабре 1918 года он был приглашен читать лекции, посвященные проблемам объединения церквей, в Уппсале (Швеция). [34] После возвращения из Швеции Николай Никанорович преподавал на восточном факультете Петроградского университета и в Петроградском богословском институте, а также состоял архивариусом Четвертой секции Второго отделения Единого государственного архивного фонда (бывший Архив и библиотека Св. Синода). В это время был убит его родной брат, а племянник пропал без вести. Бедствия Николая Никаноровича увеличивались: «от ежедневного физического изнеможения меня самого стали оставлять последние силы, а у жены их уже совсем не было и она выглядела погибающей былинкой. Кругом буйствовал террор и каждый звук автомобиля мог предвещать конец». [74]

В этих условиях 16 (29) августа 1921 году Н. Н. Глубоковский вместе с женой был вынужден эмигрировать в Финляндию, оттуда в Германию, некоторое время занимал кафедру Священного Писания Нового Завета в Праге, в 1922–1923 годах читал лекции в Белградском университете.

В мае 1923 года он принял предложение занять кафедру Священного Писания Нового Завета и должность ординарного профессора богословского факультета Софийского университете. Николай Никанорович прибыл в столицу Болгарского Царства 11 июля и остался там до самой кончины, получив возможность продолжить научную работу. Вместе с ним в Софии работали и многие его бывшие ученики. В 1929 году он стал дописным членом Болгарской академии наук. Он читал также лекции в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, являлся куратором Русского христианского студенческого движения в Болгарии.

Всего за свою жизнь Н. Н. Глубоковский написал около сорока крупных работ и множество статей. Великий русский библеист скончался 18 марта 1937 года от болезни почек. Отпевавший его в Софийском кафедральном соборе митрополит

Софийский Стефан в прощальном слове назвал Н. Н. Глубоковского «величайшим экзегетом, (...) любящим и верным сыном Церкви, могучим столпом Православия».

К концу XIX – началу XX века русская библеистика достигла наивысшего развития. Изучение Священного Писания было направлено на органичное сочетание церковной и святоотеческой методологии в исследовании библейского текста, с одной стороны, и в привлечении в русле этой методологии новейших западных фактологических разработок. Однако наряду с положительным раскрытием библейско-богословского учения русским ученым пришлось решать проблему апологетического плана, выражая свое отношение к ставшему популярным к концу XIX столетия на Западе «историко-критическому методу». Этот метод получил в русской науке название «отрицательной библейской критики», поскольку предполагал изучение Священного Писания на основе ряда нецерковных предпосылок, первой из которых было отрижение богоодухновенности библейского текста и изучение Библии как обыкновенного человеческого литературного произведения. Задачей метода было выделение «подлинных» и «неподлинных» текстов Писания, их датировка и оценка. Аргументируя свои построения, отрицательные библейские критики выдвигали смелые (хотя зачастую — нелепые) гипотезы и предположения, но при этом делали попытку досконально рассмотреть библейский текст в историческом, филологическом, археологическом и других контекстах, что выставляло их исследования привлекательными в научном плане. К концу XIX века «историко-критический метод» пополнился еще одним априорным постулатом — что библейская история как Ветхого, так и Нового Завета развивается по гегелевской схеме: «тезис — антитезис — синтез».

В области Ветхого Завета появилась теория Графа-Велльгаузена, утверждавшая, что «истинная» история израильского народа была эволюцией от язычества, как и у прочих народов («тезис»), через выступление пророков, учивших о Господе (Ягве) как Едином Боге («антитезис»), до появления в период вавилонского

плена священников, предложивших монотеистический культ Господа-Ягве («синтез»). Во второй половине XIX–начале XX века в русской библейской науке появились серьезные аналитические труды профессоров епископа Михаила (Лузина; 1830–1887), протоиерея Николая Елеонского (1843–1910), Владимира Петровича Рыбинского (1867–1944), Павла Александровича Юнгерова (1856–1921), а также Дмитрия Сергеевича Леонардова (1871–1915), в которых выявлялись как ложные предпосылки, так и несостоятельные выводы этой и подобных теорий.

В области Нового Завета отрицательную критическую теорию предложила новотюбингенская (баурова) богословская школа в лице Ф. Х. Баура (1792–1860), Д. Ф. Штрауса (1808–1874), А. Ричля (1822–1889) и А. фон Гарнака (1851–1930), которые пытались перенести гегелевскую схему на почву истории ранней церкви. В результате их построений представлялось, что изначальному органическому христианству, видевшему во Иисусе из Назарета только Мессию («петринизму»), стало противостоять движение, возглавляемое св. апостолом Павлом («паулизм»), исповедавшее Христа как Сына Божия. Результатом «борьбы» стал синтез этих учений в лице св. ап. Иоанна Богослова. В данной схеме св. ап. Павел представлялся не верным учеником Христовым, а исказителем Его учения, сделавшим крайне выводы из Его проповеди под влиянием разного рода иудейских и эллинистических воззрений.

Деятельность Н. Н. Глубоковского по изучению богословия св. ап. Павла была направлена как на положительное раскрытие павлова учения по существу, так и на апологетическое выявление несостоятельности указанных отрицательных воззрений.

В 1897 Н. Н. Глубоковским была защищена докторская диссертация «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу» [5], которая стала ядром громадного одноименного исследования в трех книгах общим объемом 2350 страниц [6]–[8]. В этом капитальном труде Н. Н. Глубоковский, полемизируя с бауровой школой, показывает, что учение ап. Павла, расщепленное отрицательными критиками на множество якобы различных идей, на самом деле представляет собой целостную систему и имеет своим источником учение Господа Иисуса Христа.

По каждому спорному пункту русский ученый излагает точку зрения отрицательной критики, и демонстрирует, что для объяснения учения апостола Павла как «исключительно человеческого» критике приходится или преувеличивать смысл и значение тех текстов и выражений из иудаизма или эллинизма, которые приводятся как основа павловых писаний, или преуменьшать достоинство и содержание посланий апостола. Путем всесторонней экзегезы Н. Н. Глубоковский доказывает, что в большинстве случаев приводимые в качестве «исходных» тексты поняты в источниках неправильно и имеют иной смысл. Систематизировав учение апостола Павла, он показывает, что между богословием апостола и его мнимыми «источниками» лежит глубокая пропасть. Однако основная ценность этого труда — не в его полемической части. На каждой странице труда автор раскрывает перед читателем тонкости и нюансы богословия св. ап. Павла, показывает исторический, религиозный и философский контекст не только деятельности святого апостола, но и жизни ранней Церкви. По обилию фактического материала этот труд представляет собой богатейшую сокровищницу и до сих пор остается актуальным и востребованным.

В последующие годы Н. Н. Глубоковский продолжил изучение богословия св. ап. Павла в рамках христианской трилогии: «Благовестие христианской свободы в Послании св. ап. Павла к Галатам» [10], «Благовестие христианской святости в Послании св. ап. Павла к Евреям» (рукопись объемом 3000 стр., до сих пор не издана) и «Благовестие христианской славы в Апокалипсисе» [11].

Н. Н. Глубоковский занимался также исследованиями Евангелий и книги Деяний. Кроме дореволюционных лекций по Новому Завету в СПБДА (они сейчас готовятся к публикации в Издательстве Свято-Владимирского братства в Москве), его перу принадлежат две работы, написанные в эмиграции: «Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле» (1932) [23], где он решает синоптическую проблему, и «Святой Лука, евангелист и дееписатель» (1932) [32], в которой он видит в спутнике апостола Павла Луке автора Евангелия и книги Деяний.

Другим направлением деятельности ученого было составление подробного текстологического комментария на церковно-сла-

вянский и русский переводы Евангелий. Поводом к этому послужило обращение в 1892 году обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к ректорам духовных академий с просьбой дать анализ неточностей славянского и русского переводов Нового Завета; в СПБДА это было поручено сделать Н. Н. Глубоковскому. С 1892 по 1897 год он подавал замечания и поправки на тексты всех четырех евангелий. Рукописный объем труда составил более тысячи страниц, причем в особом экземпляре Нового Завета с широкими полями поправки были сделаны почти к каждому стиху Евангелий.

Уважительное отношение Н. Н. Глубоковского к Славянской Библии выражено в одноименной статье, написанной в 1932 в эмиграции в Софии [56]. Он особо останавливается на достоинстве древнегреческого текста Септуагинты, с которого был сделан перевод на церковнославянский язык. Ученый высказывает смелую по тем временам мысль о том, что разнотечения греческого перевода Семидесяти и традиционного масоретского текста обусловлены не переводческими проблемами первого и не текстологическими погрешностями второго, а могут быть объяснены тем, что они восходят к двум различным редакциям древнееврейского текста. Поэтому-то в Септуагинте находит явное выражение «персоналистический универсальный мессианизм», столь хорошо соответствовавший проповеди об Иисусе Христе в ранней Церкви, тогда как в масоретском тексте ученый видит уже «националистически-messианскую» окраску. Отсюда Н. Н. Глубоковский делает вывод об «особой религиозно-научной важности» Славянской Библии как «почтенного свидетеля византийско-греческого оригинала» текста Ветхого Завета. Предположение Н. Н. Глубоковского о разных «текстуальных типах» подтвердилось текстологическим анализом кумранских библейских рукописей (найденных в 1947–1952 годах и датируемых III–I веками до Р. Х.). Указанный анализ позволил Ф. М. Кроссу и еще ряду исследователей выделить по крайней мере три редакции древнееврейского текста (палестинскую,alexандрийскую, вавилонскую), существовавших до Рождества Христова.

Кроме трудов исследовательского характера Н. Н. Глубоковскому принадлежит целый ряд обзоров русской и иностранной

богословской литературы [110]–[116]. Ему же принадлежит интереснейший труд «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» [49], в котором он описывает основные тенденции развития, а также вопросы и проблемы русской богословской науки XIX–начала XX века.

Особой сферой деятельности ученого была забота об улучшениях в сфере духовного образования. В 1895 году он разработал новую программу по Священному Писанию Нового Завета для семинарий и направил в Учебный комитет при Св. Синоде записку [88], которая стала основой для пересмотра Учебным комитетом семинарской программы по Священному Писанию. В ней он отмечал необходимость для преподавателя «говорить не столько о фактах во всех их подробностях, (...) сколько извлекать мысли из фактов». В следующем году он пишет в записке в Комиссию по внесению изменений в Устав академий при СПбДА, что богословские дисциплины сильно взаимосвязаны между собой, поэтому введение специализации, понимаемой в привычном для светских наук смысле, невозможно. Первые несколько лет занятий в богословских школах необходимо изучать систему богословских дисциплин в целом. Однако позже, при занятиях в академии, необходима, по выражению Н. Н. Глубоковского, «сосредоточенность» студента на одной конкретной сфере богословских дисциплин. Такая сосредоточенность «ничуть не мешает основательному знанию, а только объединяет его и потому созидается на нем. Она заботится только о том, чтобы свои научные занятия каждый студент мог свести к одному знаменателю и располагал их с осмысленной и понятной для него систематичностью» [88]. В противном случае творческие силы студента гибнут, задавленные потоком разнопрофильной информации. Достичь сосредоточенности можно путем самостоятельного написания студентами специальных работ, прежде всего — кандидатских диссертаций. Полезна будет, с точки зрения, ученого, и возможность выбора студентом интересующих его предметов из ряда альтернативных.

Труды профессора Н. Н. Глубоковского до сих пор практическим не утратили своей научной значимости; поднятые и рассмотренные в них библейские вопросы остаются в большинстве своем актуальными. Некоторые работы ученого переизданы или переиздаются в бумажном варианте, но большая часть его научного наследия по-прежнему недоступна для широких кругов библейских исследователей. Учитывая это, Кафедра библеистики Московской духовной академии (<http://www.bible-md.ru>) совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и проповеди «Серафим» (<http://www.seraphim.ru>) подготовили более 30 работ Н. Н. Глубоковского в электронном варианте в рамках проекта по созданию электронных книг по библеистике, включая основной труд профессора — «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу» (объемом 2350 страниц).

Священник Димитрий Юрьевич

**Библиография основных трудов проф. Н. Н. Глубоковского
(полужирным выделены книги, электронные издания которых
подготовлены Кафедрой библейстики МДА совместно
с Региональным фондом поддержки православного
образования и просвещения «Серафим»)**

I. Библейско-богословские сочинения

1. **Библейский греческий язык в Писаниях Ветхого и Нового Завета.** К., 1914, 76 с. Отт. из: Труды КДА, 1914. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
2. Благовестие св. Апостола Павла и иудейско-раввинское богословие // ХЧ, 1897, февр., с. 277–316; № 3, с. 323–372; № 4, с. 566–611.
3. Благовестие св. апостола Павла и иудейско-эллинистическое богословие // ХЧ, 1901, февр., с. 266–287.
4. **Благовестие св. апостола Павла и мистерии** // ХЧ, 1909, апр., июнь–июль. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
5. Благовестие св. апостола Павла и теософия Филона Александрийского // ХЧ, 1901, март, с. 402–438; апр., с. 566–603; май, с. 720–759; июнь, с. 902–936.
6. **Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование.** Кн. 1: Введение. Обращение Савла и «Евангелие» св. апостола Павла. «Евангелие» Павлово и иудейско-раввинское богословие, апокрифы и апокалиптика. СПб., 1905, LXX+890 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
7. **Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование.** Кн. 2: «Евангелие» св. апостола Павла и теософия Филона, Книга Премудрости Соломоновой, эллинизм и римское право. Заключение. СПб., 1910, 4+1307 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
8. **Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование.** Кн. 3: Божественность «Евангелия» Павлова и метод обоснования сего в исследовании о нем. Дополнения и указатель содержания первых двух книг. СПб., 1912, 80 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
9. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование, СПб., 1897, XII+290 с.

10. **Благовестие христианской свободы в послании св. апостола Павла к Галатам:** сжатый обзор апостольского послания со стороны его первоначальных читателей, условий происхождения, по содержанию и догматически-историческому значению. СПб., 1902, 156 с.
То же: София, 1935. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
11. **Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. апостола Иоанна Богослова:** сжатый обзор. Джорданвиль, 1966, 115 с.
Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
12. Блаженный Феодорит, епископ Киррский: Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование. Т. 1–2. М., 1890.
 - Т. 1: Жизнь блаженного Феодорита, епископа Киррского. 349 с.
 - Т. 2: Литературная деятельность блаженного Феодорита, епископа Киррского. 510 с.
13. **Бог-Слово: экзегетический эскиз пролога Иоаннова Евангелия (1:1–18)** // Православная мысль, 1928, 1, с. 29–121. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
14. Был ли допущен Иуда предатель к соучастию в самом Таинстве Евхаристии при установлении его Господом Спасителем на Тайной вечере // ХЧ, 1897, май, с. 812–813.
15. **Вера по учению св. апостола Павла:** по поводу сочинения протоиерея И. Беляева «Учение апостола Павла о вере» (М., 1900) // ХЧ, 1902, май, с. 686–715.
16. **Ветхозаветный закон по его происхождению, предназначению и достоинству** // Путь, 1928, № 10, с. 43–52. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
17. Вновь найденный пурпуровый список Евангелия // ХЧ, 1897, кн. 2.
18. **Греческий рукописный Евангелистарий из собрания проф. И. Е. Троицкого.** СПб., 1897, 256 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
19. Греческий язык Библии — особенно в Новом Завете, по современному состоянию науки. СПб., 1902, 34 с. Отт. из: ХЧ, 1902.
20. **Греческий язык Нового Завета в свете современного языкоznания.** Пг., 1915, 36 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
21. Дидаскалия и Апостольские постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению // ХЧ, 1916, март, с. 339–360; апр., с. 434–456. То же: София, 1935, 127 с.

22. Евангелие и Евангелия // ВР, 1896, № 7, с. 417–424. То же: Харьков, 1896.
23. **Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле.** София, 1932, 160 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
24. Замечания о 1-м Послании св. апостола Иоанна Богослова // ХЧ, 1904, июнь, с. 857–877.
25. Из лекций по Священному Писанию Нового Завета, читанных студентам СПБДА в 1896–1897 уч. году. СПб., 1897, 493 с.
26. **Искупление и Искупитель (по Евр., гл. 2).** Пг., 1917, 100 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
27. Историческое положение и значение личности Феодорита, епископа Киррского: речь и библиографический указатель новейшей литературы о блаженном Феодорите. СПб., 1911, 30 с.
28. К вопросу о пасхальной вечере Христовой // ХЧ, 1897, март, с. 508–511.
29. К вопросу о пасхальной вечере Христовой и об отношениях к Господу современного Ему еврейства: по поводу исследования проф. Д. А. Хвольсона // ХЧ, 1893, июль–авг., с. 84–121; сент.–окт., с. 289–320. То же: СПб., 1893, 70 с.
30. Католический Index и римско-католическая цензура // Странник, 1906, № 4, с. 630–634.
31. Конспект по предмету Священного Писания Нового Завета для переходных испытаний гг. студентов 1–2 курсов СПБДА:
- в 1900 году. СПб., 1900, 5 с.;
 - в 1902 году. СПб., 1902.
 - в 1904 году. СПб., 1904, 8 с.
32. Лекции по Священному Писанию Нового Завета, читанные студентам СПБДА:
- в 1891–1892 уч. году. СПб., 1892, 365 с.
 - в 1892–1893 уч. году. СПб., 1892, 432 с., литогр.
 - в 1893–1894 уч. году. СПб., 1893, 530+VI с., литогр.
 - в 1894–1895 уч. году. СПб., 1895, 415, XVI с., литогр.
 - в 1897–1898 уч. году. СПб., 1897, 576 с., литогр.
 - в 1898–1899 уч. году. СПб., 1899, 608 с., литогр.
 - в 1899–1900 уч. году. СПб., 1900, 592 с., литогр.
 - в 1900–1901 уч. году. СПб., 1901, 720 с., литогр.
 - в 1901–1902 уч. году. СПб., 1902, 592 с., литогр..
 - в 1902–1903 уч. году. СПб., 1902, 722 с., литогр.

- в 1903–1904 уч. году. СПб., 1904, 365 с., литогр.
 - в 1905–1906 уч. году. СПб., 1906, 411 с., литогр.
 - в 1906–1907 уч. году. СПб., 1907, 663 с., литогр.
 - в 1911–1912 уч. году. СПб., 1912, 415 с., литогр.
 - в 1914–1915 уч. году. Пг., 1915, 512 с., литогр.
33. Лекции по Священному Писанию Нового Завета. М., 2005 [в печати].
34. Лекции, читанные в Упсальском университете в сентябре и октябре 1918 года. Стокгольм–Упсала, 1921.
35. **О Втором послании св. апостола Павла к фессалоникийцам //**
Пг., 1915, 118 с. Из: ХЧ, 1915. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
36. **О значении надписания Псалмов // ЧОЛДП, 1889, № 12, с. 567–601.**
Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
37. **О Квириневой переписи по связи ее с Рождеством Христовым.**
К., 1913, 59 с. Отт. из: Труды КДА, 1913. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
38. **Обращение Савла и Евангелие св. апостола Павла:** речь, произнесенная на торжественном годичном акте СПбДА 17 февраля 1896 г. СПб., 1896, 150 с. Из: ХЧ, 1896. То же: Харьков, 1896, 121 с. То же: ВР, 1896, № 4–7. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
39. **О пасхальной вечери Христовой и об отношениях к Господу современного Ему еврейства.** СПб., 1893. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
40. **Опыт русской обработки материала для жизнеописания св. ап. Павла //** ХЧ, 1894, 11. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
41. **Послание к Евреям и историческое предание о нем //** Годишник на Софийский университет, кн. 14, 1936–1937. София, 1937, 62 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
42. **Православие по его существу.** СПб., 1914, 23 с. Из: ХЧ, 1914.
Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
43. Православная пасхалия и общедоступные пособия и руководства по хронологии. СПб., 1892, 22 с. Из: ХЧ, 1892.
44. **Преображение Господне: критико-экзегетический очерк.** М., 1888, 91 с. Отт. из: ПО, 1888. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
45. Происхождение, характер и значение монархианства: по поводу взглядов А. Гарнака на монархианское движение. М., 1889, 73 с. Из:

- ЧОЛДП, 1889.
46. **Путешествие евреев из Египта в землю Ханаанскую (физико-географический очерк).** М., 1889, 75 с. Из: ЧОЛДП, 1889, 1–4. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
 47. Разбор учения Гартмана об абсолютном начале как бессознательном. Харьков, 1889, 66 с. *Отт. из:* ВР, 1888.
 48. **Развод по прелюбодеянию и его последствия по учению Христа Спасителя.** СПб., 1895, 100 с. Из: ХЧ, 1895. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
 49. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928, 116 с. То же: [М.,] 1992, 184 с. То же: М., 2002, 192 с.
 50. **Св. апостол Лука, Евангелист и дееписатель.** София, 1932, 200 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
 51. Св. апостол Павел и неканоническая книга Премудрости Соломоновой // ХЧ, 1902, апр., с. 447–503; авг., с. 129–160.
 52. Св. апостол Павел и павлинизм антиохийской школы (в ее экзегетике и догматической деятельности за период I–IV Вселенских Соборов) // Труды V Съезда рус. акад. орг. за границей. Ч. 1 София, 1932, с. 99–132.
 53. Св. апостол Павел и Филон Александрийский // ХЧ, 1901, дек.; 1902, янв., февр., авг., нояб., дек.
 54. Свобода и необходимость: Против детерминистов. Харьков, 1888, 50 с. *Отт. из:* ВР, 1888.
 55. Священное Писание в духовных академиях на рубеже двух столетий // Церковный вестник, 1909, № 50.
 56. **Славянская Библия.** София, 1932. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
 57. Смысл 34-го апостольского правила // БВ, 1907, июль, с. 731–751; 1908, февр., с. 396–399.
 58. Теософическое общество и современная теософия // ВР, 1888, № 8, с. 555–574.
 59. **Учение книги Премудрости Соломоновой о Божественной Премудрости или Духе по сравнению с апостольским** // ХЧ, 1904, май, с. 615–659. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
 60. Учение св. апостола Павла и апокрифическая иудейская литература // ХЧ, 1900, февр.
 61. Учение св. апостола Павла и книги Премудрости Соломоновой о происхождении и характере язычества // ХЧ, 1905, февр.

62. Учение св. апостола Павла о грехе, искуплении и оправдании // ХЧ, 1898, март, с. 301–343; апр., с. 471–516; май, с. 629–666; июнь, с. 793–840.
63. Учение св. апостола Павла о добрых и злых духах // ХЧ, 1900, янв.
64. Учение св. апостола Павла о загробной жизни и воскресении мертвых // ХЧ, 1888, янв.
- 65. Учение св. апостола Павла о предопределении по сравнению с воззрениями книги Премудрости Соломоновой // ХЧ, 1904, июль–авг.** Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
- 66. Учение св. апостола Павла о христианской жизни в «Духе» и его самобытная независимость // ХЧ, 1904, апр., с. 751–787.** Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
67. Хвала ученому мудрецу в Книге Иисуса сына Сирахова // ХЧ, 1910, авг., с. 892–910.
68. Хвалебная песнь Иисуса, сына Сирахова, Творцу и Промыслителю Вселенной // ХЧ, нояб., с. 1313–1331.
- 69. Ходатай Нового Завета: экзегетический анализ Евр. 1:1–15.** Сергиев Посад, 1915, 47 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
- 70. Христово унижение и наше спасение:** библейско-экзегетический анализ Филипп. 2:5–11 // ПМ, 1930, 2, с. 86–101. То же: София, 1929. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
- 71. Христос и Ангелы:** экзегетический анализ Евр. 1:6–14. Пг., 1915, 43 с. Из: ХЧ, 1915. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
72. Экзаменский конспект по предмету Священного Писания Нового Завета для переходных испытаний студентов СПбДА:
- в 1895 году. СПб., 1895, 6 с.;
 - в 1896 году. СПб., 1896, 5 с.;
 - в 1898 году. СПб., 1898, 5 с.
73. Эллинская образованность апостола Павла // ХЧ, 1906, март–июль; 1907, февр.–март.

II. Исторические, биографические и церковно-публицистические сочинения

74. Академик Борис Александрович Тураев как христианский учитель и ученый // Рус. Мысль, 1923, кн. 9–12, с. 387–398. То же // Воскрес. чтение (Варшава), 1929, № 11, с. 169–173, 185–187.
75. Академик Е. Е. Голубинский. Рукопись. РНБ, ф. 194. Эл. текст:

76. Архиепископ Орловский Смарагд (Крыжановский) и алтайский миссионер архимандрит Макарий (Глухарев): два письма первого ко второму // ХЧ, 1913, янв., с. 118–125.
77. Архиепископ Рязанский Смарагд как педагог и проповедник // ХЧ, 1914, июнь, с. 689–754.
78. Архиепископ Смарагд в своих административных отношениях, иерархическом правлении и личной жизни // ХЧ, 1914, февр, с. 158–174, 299–327.
79. Бакалавры С.-Петербургской Духовной Академии: иеромонах Серафим Азбукин и иеромонах Мартирий Горбачевич. СПб., 1909, 29 с.
Отт. из: ХЧ, 1909.
80. «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви. София, 1929, 16 с.
81. Возрождение папства и его настоящее положение по сравнению с прошлым. Воронеж, 1891, 47 с. Из: Воронежские епархиальные ведомости, 1891.
82. Высокопреосвященный архиепископ Смарагд (Крыжановский) на Орловской и Рязанской кафедрах и его кончина // ХЧ, 1913, февр., с. 175–191; март, с. 310–324; апр, с. 526–540.
83. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: его жизнь и деятельность. СПб., 1914, 558 с.
84. Дело священника Иоанна Сёмова с Орловским епархиальным начальством при архиепископе Орловском Смарагде (Крыжановском) // ХЧ, 1913, апр, с. 526–540, 650–672.
85. Дорогой памяти неутомимого искателя правды писателя и изобретателя врача Матфея Никаноровича Глубоковского. СПб., 1904, 15 с.
Отт. из: Странник, 1904.
86. За тридцать лет (1884–1914): к столетнему юбилею Императорской Московской духовной академии (1 окт. 1914 г.). М., 1914, 19 с.
Отт. из кн.: У Троицы в Академии. М., 1914.
87. Из переписки архиепископа Рязанского Смарагда Крыжановского. М., 1913, 46 с.
88. К вопросу о нуждах духовно-академического образования. СПб., 1897, 24 с. [под псевдонимом *Вафинский Н.*] Из: Странник, 1897.
89. Киприан, митрополит всея Руси (1374–1406) как писатель // ЧОЛДП, 1892, № 2, с. 358–424.
90. На Никейских торжествах в Англии и на Всемирной христианской конференции в Стокгольме летом 1925 года: впечатления и наблюдения

- участника // Воскресное чтение (Варшава), 1926, № 35–38.
91. Начало организованной духовной школы: Комитет по усовершенствованию духовных училищ // БВ, 1917, июнь–июль, с. 75–92.
92. О реформе духовной школы. СПб., 1908, 50 с. [Авт.: М. А. Остроумов и Н. Н. Глубоковский]
93. Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева: под первым впечатлением тяжелой утраты. СПб., 1908, 31 с. *Ottm. iz: Странник*, 1908.
94. Первый настоятель Исаакиевского собора протоиерей А. И. Окунев, бакалавр СПБДА // ЦВ, 1908, № 23, с. 1049–1053; № 24, с. 1103–1107.
95. По вопросам духовной школы и об Учебном комитете при Св. Синоде. СПб., 1907, 8, 148 с.
96. По вопросу о «праве» евреев именоваться христианскими именами: трактат и историческая справка. СПб., 1911, 121 с. Из: ЦВ, 1911, № 24, 25.
97. По вопросу о реформе Учебного комитета при Св. Синоде. СПб., 1909, 24 с. Из: Странник, 1909.
98. По поводу письма проф. Н. И. Субботина к К. П. Победоносцеву. М., [1914], 19 с.
99. Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории: речь, сказанная 30 октября 1916 г. в собрании учредителей Всероссийского общества попечения мирян о нуждах священнослужителей Православной Церкви и их семей. Пг., 1917, 16 с.
100. Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, бывший ректор СПБДА // ХЧ, 1909, окт, с. 1332–1351; нояб, с. 1459–1482.
101. Преосвященный Иоанн (Кратиров), бывший епископ Саратовский, ректор СПБДА // ХЧ, 1909, март, с. 421–440.
102. Религиозное образование в английских общественных школах // ЦВ, 1908, № 26, с. 1207–212; № 27, с. 1262–1268.
103. Родословие Смарагда (Крыжановского), архиепископа Рязанского. М., 1910, 46 с.
104. Санкт-Петербургская духовная академия во времена студенчества там патриарха Варнавы. Сремски Карловцы, 1936.
105. Светлой памяти друга России и русского Православия Ивана Васильевича Биркбека. Киев, 1917, 32 с.
106. Своеобразная защита Учебного комитета при Св. Синоде: по поводу книги о сем ревизора Д. И. Тихомирова и в связи с вопросом о преоб-

- разовании Учебного комитета. СПб., 1908, 40 с.
- 107.Свт. Киприан, митрополит всея России (1374–1406) как писатель. М., 1892, 67 с.
- 108.Священник Михаил Васильевич Попов: некролог. Вологда, 1910, 54 с.
- 109.**Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе** // Путь, 1926, № 4, С. 139–144. Эл. вариант: М.: КБ МДА и Фонд «Серафим», 2005.

III. Отзывы, обзоры и рецензии

- 110.Блаженный Августин в изображении русского светского историка: о книге проф. В. Герье «Блаженный Августин». М., 1910, 38 с.
- 111.Годичные обзоры русского богословия в газете «Новое время» // Новое время, 1913, 1914, 1915, 1916. № 1.
- 112.Достопочтенный Майрон Уинслоу Адаме: словарь св. апостола Павла. Св. апостол Павел как словообразователь // ХЧ, 1897, июнь.
- 113.Отзыв о сочинении Б. В. Титлинова «Духовная школа в России в XIX столетии». Вып. 1–2. Вильна, 1908. СПб., 1911, 32 с.
- 114.Отзыв о сочинении В. И. Герье «Блаженный Августин». М., 1910. СПб., 1912, 38 с. *Отт. из:* Сб. отчетов о премиях и наградах за 1910 г.: Премии им. М.Н. Ахматова.
- 115.Отзыв об изданной по-болгарски «Проповеднической энциклопедии» о. Гр. Дьяченко // Мир, 1929, 23 июля.
- 116.Православие в освещении англиканского ученого. [СПб.. 1914.] 7 с. *Отт. из:* ЦВ, 1914.

IV. Издания и переводы

- 117.Письма архиепископа Рязанского Смарагда (Крыжановского) к архимандриту Иерофею (Добрицкому) из Орла, С.-Петербурга и Рязани (1847—1863) / Сост. СПб., 1911, 11+120 с.
- 118.Творения блаженного Феодорита, епископа Киррского: в 4 т. Письма блаженного Феодорита в русском переводе проф. СПбДА Н. Глубоковского. Вып. 1: письма 11–50. Сергиев Посад, 1907, 233 с. Вып. 2: письма 151–268 и введение. Сергиев Посад, 1908, XVI+233–521 с.
- 119.Хронология Ветхого и Нового Завета / Пер. с англ. с введ. и в ред. обработке // Труды КДА, 1910, № 6, с. 239–279; № 8, с. 375–408; 1911, № 3, с. 365–394; № 6, с. 200–228; № 7, с. 357–377.

Литература о профессоре Н. Н. Глубоковском и его научной деятельности

1. 25-летний юбилей проф. Н. Н. Глубоковского //Странник, 1914, № 6–7.
2. Андреев И. Д. Николай Никанорович Глубоковский // Гермес, 1914, № 13–14.
3. Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский и В. В. Болотов: к истории взаимоотношения авторов «Феодорита» и «Theodoreian'ы». <http://www.mitropolia-spb.ru/rus/conf/bolotov2000/dokladi/bogdanova.html>
4. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Н. Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 году Петроградской духовной академии и Петроградского университета // Журнал Санкт-Петербургский университет, №7 (3663) от 19.03.2004. <http://journal.spbu.ru/2004/07/22.shtml>
5. Глубоковский Н. Н. Автобиографические воспоминания / МДА. Софийский архив Н. Н. Глубоковского. <http://www.bogoslov.ru/bogoslov/publication/glubokovskiy.html>
6. Глубоковский Николай Никанорович / Русские писатели-богословы. Библиографический указатель. 2-е изд. Сост. А. С. Чистякова, О. В. Курочкина, Н. С. Степанова. М., 2001, 462 с., сс. 274–285.
7. Игнатьев А. Памяти проф. Н. Н. Глубоковского // ЖМП, 1966, № 8, с. 57–76.
8. Казански Н. Патриарх православного богословия в Болгарии // Русская газета, 2004, №42 (61) от 14.10.2004.
9. Лаговский И. Заслуженный профессор, д-р богословия Н. Н. Глубоковский. Б/м, 1937. Эл. текст: <http://www.golubinski.ru/akademia/lag.htm>
10. Мелихов В. А. Н. Н. Глубоковский — профессор СПБДА. Харьков, 1914.
11. Мелихов В. А. Николай Никанорович Глубоковский, профессор Императорской Санкт-Петербургской духовной академии (по поводу 25-летия его ученой деятельности). Харьков, 1914, 18 стр. + портрет.
12. Петр (Еремеев), иером. Софийский архив Н. Н. Глубоковского. <http://www.bogoslov.ru/bogoslov/publication/1415.html>
13. Поснов М. Э. Библиография: Н. Н. Глубоковский, ординарный профессор Императорской Санкт-Петербургской духовной академии. «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу». [Киев, 1914.] 9 стр.; с. 1.
14. Русский биографический словарь. Интернет-версия, подготовленная

- на основе выборки статей из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрана (1890–1907) и Нового энциклопедического словаря (1911–1916). <http://kolibry.cyberpalm.com>
15. Савич Дм., свящ. Ординарный профессор Н. Н. Глубоковский и его «Замечания на славяно-русский текст евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (история рукописи)
<http://www.vitebsk.orthodoxy.ru/publicat/030316publicat.shtml>.
16. Черемисов П. Профессор Н. Н. Глубоковский и его труд «Благовещение св. апостола Павла по его происхождению и существу». Сергиев Посад: МДА, 1972 (рукопись).
17. Юрьевич Дм., диак. Профессор Н. Н. Глубоковский: библеист, опередивший время (к 140-летию со дня рождения) // Санкт-Петербургский церковный вестник, 2003, № 12, с. 29–33; 2004, № 1, с. 43–48.
<http://www.sinai.spb.ru/cor/glubok/glubokovsky140.html>
18. Юрьевич Дм., свящ. Профессор Н. Н. Глубоковский как экзегет Священного Писания / Глубоковский Н. Н. Лекции по Священному Писанию Нового Завета. М., 2005 [в печати].

Список сокращений

БВ — Богословский вестник
ВР — Вера и разум
ЖМП — Журнал Московской Патриархии
МДА — Московская духовная академия
ПМ — Православная мысль
ПО — Православное обозрение
СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
Труды КДА — Труды Киевской духовной академии
ХЧ — Христианское чтение
ЦВ — Церковные ведомости
ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения

42 Н. Н. Глубоковскій,
профессоръ Императорской Петроградской Духовной Академии

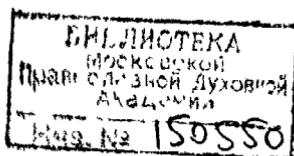
Г. 55

ГРЕЧЕСКІЙ ЯЗЫКЪ
НОВАГО ЗАВѢТА

въ свѣтъ

современнааго языкоzнанія.

(ПЕРЕВОДЪ).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининский кан., № 45
1915.

• Третий раз на другую, то
иностранную почту
Винченцо Германн.
Февраль 1914, 18, 8(21) — напечатан.

Изъ журнала „Гермесъ“ 1915 г., № 2, стр. 36—40; № 3 стр.
61—67; № 4, стр. 78 —83; № 5, стр. 141—146; № 7—8, стр. 160—168.

Греческій язы́къ Новаго Завѣта во свѣтѣ современна́го языкоznанія.

Священные книги Новаго Завѣта изначально были всѣ (кромѣ Матвеева Евангелия) написаны на греческомъ языке, который, будучи избраннымъ органомъ для выражения богодухновенныхъ мыслей, служить и первѣйшимъ средствомъ объективнаго и вѣрнаго уразумѣнія ихъ. Естественно, что для сего необходимо совершенное познаніе этого языка по его существу и частнымъ отличительнымъ особенностямъ. Отсюда очевидна великая важность специального изученія греческаго новозавѣтнаго языка для точнаго постиженія новозавѣтныхъ писаній, или въ эзгетическихъ цѣляхъ. Но этотъ предметъ имѣть огромное значеніе и въ чисто филологическихъ интересахъ. Греческая Біблія является драгоценнымъ памятникомъ языка соответствующаго периода и богатѣйшимъ источникомъ для освѣдомленія по этому вопросу, помогая отчетливому и основательному возстановленію всей языковой истории тѣхъ временъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей духовной культуры, ибо для нея именно языкъ всегда бываетъ носителемъ и представителемъ.

Въ частности новозавѣтный языкъ служить для насъ яркимъ свидѣтелемъ исключительной эпохи, знаменательной сколько въ религіозномъ, столько и въ языковомъ отношеніи, когда общенародная греческая рѣчь, становясь орудіемъ распространенія благовѣстія Христова, дѣлается литературно-правоспособною, закрѣпляется въ авторитетномъ письменномъ словѣ и начинаетъ новое литературное творчество, которое во всемъ своемъ теченіи отсылаетъ къ своему исходу и требуетъ всецѣлаго познанія его. По всѣмъ этимъ причинамъ изученіе греческаго біблейскаго языка должно быть неотложною и плодотворною научною задачей и для богослововъ и для филологовъ въ

равной степени и при дружномъ взаимномъ сотрудничествѣ, чуждомъ печально господствующаго разъединенія.

Въ этой сферѣ за послѣднія десятилѣтія происходитъ оживленное движение, дающее чрезвычайно цѣнныя результаты, поскольку библейскій греческій языкъ рисуется теперь въ совсѣмъ новомъ видѣ и получаетъ уже иное примѣненіе въ богословскомъ и филологическомъ употребленіи (для чего см. и наши переводныя статьи „Современное состояніе и дальнѣйшія задачи изученія греческой Библии въ филологическомъ отношеніи“, „Греческий языкъ Библии,—особенно въ Новомъ Завѣтѣ,—по современному состоянію науки“ въ „Христіанскомъ Чтении“ 1898 г., № 9, стр. 365—400; 1902 г., № 7, стр. 3—36 „Библейскій греческій языкъ въ писаніяхъ Ветхаго и Нового Завѣта“ въ „Трудахъ Киевской Духовной Академіи“ 1912 г., № 2, стр. 191—209, № 6, стр. 203—228; 1913 г., № 2, стр. 213—226; 1914 г., № 4, стр. 541—560 и въ отд. изд. Киевъ 1914). Въ этомъ направлении накопилось теперь вполнѣ достаточно материаловъ, наблюдений и разысканий, которыя нуждаются въ резюмирующемъ обобщеніи для выясненія наличнаго положенія и для опредѣленія дальнѣйшихъ научныхъ путей. Эта работа тѣмъ полезнѣе и необходимѣе для русской литературы, что въ ней данный предметъ почти совсѣмъ не затронутъ и нуждается даже въ простомъ напоминаніи своей научной важности. По этимъ побужденіямъ и предлагаемъ статью пастора Германа Штокса „Das neutestamentliche Griechisch im Lichte der modernen Sprachforschung“ изъ лейпцигскаго журнала „Neue Kirchliche Zeitschrift“ XXIV. Jahrgang (1913), 8, S. 633—653; 9, S. 681—700 въ точномъ переводѣ съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями и дополненіями. Авторъ давно занимается въ этой области (см. *ibid.* 1902, S. 278) и извѣстенъ нѣмецкимъ изданіемъ англійской грамматики греческаго новозавѣтнаго языка Робертсона (*Kurzgefasste Grammatik des neutestamentlichen Griechisch mit Berücksichtigung der Ergebnisse der vergleichenden Sprachwissenschaft und der Koiné—Forschung von A. T. Robertson D. D., Professor der neutestamentlichen Exegese am Baptistschen Seminar in Louisville; deutsche Ausgabe von Hermann Stocks, Seminaroberlehrer in Cottbus. Leipzig, Henrichs, 1911*), заслужившимъ авторитетное одобрение (см., напр., отзывы проф. С. Р. Gregory въ „Theologische Literaturzeitung“ 1913, 11, Sp. 329—330, и проф. Albert Thumb'a въ „Byzantinische Zeitschrift“ 1913, S. 484), почему его отчетъ можно считать надежнымъ итогомъ научныхъ пріобрѣтеній и воззрѣній о греческомъ новозавѣтномъ языкѣ по связи съ *Коинѣ* вообще.

Уже рано стали претендовать на особое положение для новозавѣтного греческого языка. Въ противовѣсь насмѣшкамъ язычниковъ надъ рыбаками и ремесленниками, каковые будто бы составили книги Нового Завѣта, еще нѣкоторые изъ апологетовъ отмѣчили классической характеръ новозавѣтной греческой рѣчи ¹⁾). И это воззрѣніе держалось долго. Только отсюда можно понять и бывшій въ XVII вѣкѣ споръ между евраистами и туристами: первые думали приписать новозавѣтному греческому языку высшую честь именно тѣмъ, что считали его стереотипнымъ скопкомъ съ еврейскаго, а послѣдніе утверждали, что вдохновляющій божественный духъ могъ говорить только на классическомъ языкѣ, почему и языкъ Нового Завѣта болѣе классической, чѣмъ даже самый аттический языкъ ²⁾). Такъ Беза—вопреки Еразму—признавалъ евраизмы за *gemmae* (драгоценныя книги) ³⁾ и Р. Стефанъ трактовалъ о „тонкомъ стилѣ“ Н. З. ⁴⁾. Въ концѣ этого спора восторжествовало евраистическое направление, но теорія насчетъ обособленнаго положенія новозавѣтного греческаго языка продолжала сохраняться и у богослововъ и у филологовъ. Изъ первыхъ и Рихардъ Ротѣ писалъ: „Дѣйствительно, вполнѣ можно говорить о языкѣ Св. Духа. По Библии совершенно ясно для всѣхъ, какъ дѣйствовавшій въ откровеніи божественный Духъ каждый разъ изъ языка народа, служившаго сферею для его примѣненія, образовывалъ совершенно особос религіозное нарѣчіе, претворяя и найденные языковые элементы и существующія понятія по своему собственному типу. Всего очевиднѣе это явленіе на греческомъ языкѣ Нового Завѣта“ ⁵⁾.

Если богослы расположены переоцѣнивать этотъ языкъ, то—съ другой стороны—его склонны унижать и пренебрежительно отворачиваться отъ такого „неклассического периода“ филологи, которые

1) Ср., напр., у Prof. Ed. Norden, *Antike Kunstsprosa II* (Leipzig 1898), S. 586 ff.

2) Касательно этого спора ср. у Winer Schmiedel, *Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms* (Göttingen 1894), S. 4 ff., а по-русски см. о семъ у ; проф. о. С. К. Смирнова, *Филологические замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ* при чтении посланія Апостола Павла къ Ефесеямъ (Москва 1873), стр. XXIV слл., а также у проф. С. И. Соболевскаго въ *Православной Богословской Энциклопедии* подъ редакціею проф. Н. Н. Глубоковскаго, т. IX (Спб. 1908) столб. 626 сл.

3) Ср. у ; о С. К. Смирнова на стр. XXVII—XXVIII и у С. И. Соболевскаго на столб. 627.

4) Ср. у ; о С. К. Смирнова на стр. XXVIII—XXIX и у С. И. Соболевскаго на столб. 627.

5) Zur Dogmatik (Gotha 1879), S. 233 f. Эти слова (изъ 1-го издания Gotha 1863, S. 238) приводитъ и Prof. Hermann Cremer въ предисловии къ своему известному словарю (S. VII); *Biblisch theologisches Wörterbuch der neutestamentlichen Grazitat* (Gotha 1902, S. VII VIII).

, точки зре́нія аттической „ортодоксії“ считаютъ, по выраженію румбахера⁶⁾, непонятнымъ, какъ можно заниматься тою эпохой, когда ѿедлогъ ѿпто управляль винительнымъ падежемъ.

Но постепенно наступали новыя времена, чѣмъ больше на классической почвѣ отыскивалось древнихъ надписей,— и прежде всего зеckh началь собирать этотъ матеріалъ въ своемъ *Corpus inscriptionum aecarum*. Но еще до него Joh. Ernst Immanuel Walch пытался воспользоваться греческими надписями для истолкованія Матоевеа Евангелія⁷⁾: инако это былъ тогда единичный прецедентъ, оставшійся безъ продолжателей. Но по мѣрѣ того, какъ открывались хранилища классической древности, должны были заняться этимъ предметомъ филологи. такъ какъ все больше и больше накоплялись діалектическихъ надписей, то въ ближайшую очередь оказалось возможнымъ обрисовать греческіе діалекты, на что ранѣе нельзѧ было отважиться. Такимъ образомъ мало-по-малу начали отучаться отъ пренебрежительности ѿедъ всѣмъ „неклассическимъ“. Затѣмъ, сравненіе нѣкоторыхъ послѣклассическихъ формъ у Поливія, Плутарха и др. съ таковыми же въ надписяхъ удостовѣрило новую, доселѣ неизвѣстную или незамѣчаемую азы греческаго языка, при чемъ предсталъ общегреческій народный языкъ *Κοινή*, какъ новое высоковажное явленіе. Тогда внутри греческаго языка, до очевидности обнаружилось послѣдовательное историческое извитіе, которое пѣсни Гомера или какой бы ни былъ древнѣйший иматникъ греческаго языка связываетъ безъ перерыва съ языкомъ тическихъ крестьянъ или каппадокійскихъ либо pontijskikhъ грековъ переняаго времени.

Пришлось признать, что „классическое время“ даетъ, конечно, наихѣйшій, однако, не единственный и вовсе не самый интересный образъ греческаго языка, а за симъ, благодаря усилиямъ въ особенности такихъ ѿенныхъ, какъ Ad. Deissmann и Alb. Thumb, G. N. Hatzidakis и J. H. oulton, Новый Завѣтъ обрѣлъ благоволеніе въ глазахъ и филологовъ, къ что его стали принимать и цѣнить въ качествѣ одного изъ важнейшихъ источниковъ греческаго народнаго языка, и именно нелитературной *Κοινῆ*.

I.

Исторія греческаго языка до *Κοινῆ*.

Въ исторіи греческаго языка имѣютъ важность прежде всего

1) Діалекты.

Насколько мы можемъ прослѣдить въ глубь вѣковъ греческій языкъ,— онъ всегда былъ раздѣленъ на извѣстное количество діа-

⁶⁾ Geschichte der byzantinschen Literatur (Munchen 1897), S. V (въ предисловіи).

⁷⁾ Observationes in Matthaeum ex graecis inscriptionibus, lenae 1779.

лектовъ. Если языкъ есть средство общенія болѣе значительной народной массы съ разными влечениями и призваніями, съ особыми соціальными слоями, различно обусловленными климатически или другимъ подобнымъ образомъ частями:—то діалектъ есть нарѣчіе опредѣленной группы индивидуальностей, родственныхъ по происхожденію, соціально или инымъ такимъ-же способомъ. И именно Эллада, столь сильно расчененная горами и заливами, имѣла въ своемъ языкѣ цѣлый рядъ рѣзко обособленныхъ между собою діалектовъ. Прежде различали ихъ четыре: іонический, аттический, дорический, эолический, а при существенномъ тожествѣ аттическаго и іонического—только три; но нынѣ—при болѣе отчетливомъ проникновеніи въ предметъ—считываютъ иначе ⁸⁾: а) западно-греческіе діалекты, каковы 1) діалекты дорійскіе ⁹⁾, 2) діалектъ Ахай ¹⁰⁾, 3) діалектъ Элиды ¹¹⁾ и 4) сѣверо-западно-греческій ¹²⁾; б) центрально-греческіе діалекты:

⁸⁾ Такъ по перечисленію проф. Альберта Тумба (*Handbuch der griech. Dialekte* въ *Indogermanische Bibliothek*, herausgegeben von Hirt und Streitberg, I, 1:8, Heidelberg 1909, S. 70 ff.), въ общемъ совпадающему съ классификацией проф. K. Brugmann'a, *Griechische Grammatik*, München 3 1900, S. 15 ff.

⁹⁾ Употреблялись въ Лаконіи съ Тарентомъ и Ираклеей, въ Мессеніи, Арголидѣ съ Эгиной, въ Коринѳѣ съ Керкирой и другими колоніями, равно въ Фліѣ и Сикионѣ, въ Мегарѣ съ колоніями, на Критѣ, Мелосѣ и Оерь съ Киреной, на Родосѣ съ Гелой и Агригентомъ, также на Карпаѳѣ, Калимносѣ, Косѣ, Книдѣ и др., въ дорическихъ областяхъ Сициліи. Тамъ удерживается а (превращенное въ аттически-іоническомъ въ ē), а—о сокращается въ ḥ и а—ē въ e, образуется такъ называемое дорическое будущее πρᾶσθ, διωσθ, πεσσόματ, глаголы на—ξιмѣютъ въ этихъ діалектахъ гуттуральный коренной характеръ, напр., φαχέσαθαι ἔδοκιμάξα, ἐρύαξονται: (оба послѣднія явленія особенно также и въ аттическомъ). Мессенскій, какъ потомъ многоразлично въ Κοινή, образуетъ въ третьемъ склоненіи дат. пад. множ. ч. по образцу корней на o, напр., πολέοις вмѣсто πόλεσι, πλειόνοις вмѣсто πλείονι, глаголы на—μι, напр., ὕρουμι: часто оканчиваетъ (опять аналогично такимъ-же явленіямъ въ народномъ языке) на—ω, сослагат. накл. въ третьемъ лицѣ ед. ч. иногда образуетъ на—ε: вмѣсто γι, какъ тоже позднѣе случалось въ народной рѣчи. Часто наблюдаемое въ Κοινή смѣшеніе verba contracta на—χω съ таковыми на—εω встрѣчается на Родосѣ. Аттикъ изъ τημάσσω образуетъ τημόσσω, а родосецъ (какъ тоже въ греческомъ переводѣ LXX и въ цѣломъ рядѣ лучшихъ рукописей Нового Завѣта) τημόσσω, τημόντας, τημάσσω. Если далѣе—Апостолъ Павель въ извѣстномъ мѣстѣ Гал. III, 28 употреблялъ форму σὺ ἔν, то и сициліецъ вмѣсто ἔστιν примѣнялъ интересную форму ἔντι, каковую Тумбъ (*Handbuch*, S. 155) считаетъ мѣстно ограниченной особенностью младо-дорійскаго діалекта; однако и Ηλιβε—папирусы даютъ (по Тумбу *ibid.*) ἔν вмѣсто ἔνεστιν. Любопытно, что лаконскій діалектъ (соответственно неуступчиво-выдержанному характеру этого племени) удержался доселъ въ употребляемомъ въ Паронѣ лаконскомъ нарѣчіи, хотя, конечно, и перемѣшанномъ съ эллинистическими элементами.

¹⁰⁾ Въ немъ также обнаруживаются упомянутыя въ дорійскомъ формы будущаго, а равно аориста глаголовъ на—σθ, винит. пад. множ. ч. имѣетъ одинаковое

5) этолійскій¹³⁾, 6) аркадско-кипрскій¹⁴⁾, 7) памфилійскій¹⁵⁾; в) восточно-греческіе діалекти: 8) іонійско-аттическіе: I) іонійскій и II) аттическій¹⁶⁾). Ми увидимъ, что въ нихъ были съмена, которыя разрослись потомъ въ вѣтвистое дерево.

2) Доаттическій „языкъ“.

Если скоро въ Элладѣ обнаруживается стремленіе выработать болѣе или менѣе общій языкъ, то сему способствовали и политика и литература— эти два властителя греческаго духа.

Первый литературный языкъ находится у Гомера, который вообще принадлежитъ іонійскому діалекту, но при этомъ заключаетъ много эолійскихъ языковыхъ элементовъ. Однако это не архаизмы іонійского діалекта, и ихъ нужно прямо выводить изъ эолійскаго, гдѣ, можетъ быть, и возникъ эпосъ, пока воспринятъ былъ потомъ іоній-

окончаніе съ именит.—на *ες* (а это примѣръ все больше возобладавшаго въ позднѣйшей *Κοινή* уравненія падежей), наконецъ, попадается и здѣсь *όμηρος* вм. *όμηρον*.

11) Въ немъ тоже встрѣчаемъ вин. пад. множ. ч. на—*ες*, дат. пад. множ. ч. согласныхъ корней третьего склоненія на—*εσ* (какъ въ мессенскомъ и съверо-западно-греческомъ), напр., *χρυσάτοις* вм. *χρυσάταις*.

12) Здѣсь также находимъ дорійское будущее, затѣмъ упомянутыя уже формы въ родѣ *βέσις* вмѣсто *βουσί*, *γούέσις* вмѣсто *γουεσίσι*, *ἄνθρωπος* вмѣсто *ἄνθραξις*, *ἄρχουτος* вмѣсто *ἄρχουσις*, *τεθυκκότοις* вмѣсто *τεθυκκόσις*. Интересно, что въ принадлежащемъ сюда діалектѣ Фокиды и Дельфъ въ прош. несоверш. и въ сильномъ аористѣ встрѣчается окончаніе 3 л. мн. ч.—*ετοί*, наряду съ—*ετοῖ*: напр., наряду съ употребительными въ аттическомъ діалектѣ *τιμηλίτοι* попадается въ высшей степени замѣчательная, удостовѣряемая также LXX и Новымъ Завѣтомъ, форма *έλέγοσαν*, *έδεικνύσαν*; затѣмъ (какъ случайно и въ Н. С.) *γέτοι*: вм. *γέται*—значитъ.—медиальное спряженіе отъ *ειμί*. Подобно дорійскому (родосскому), эолійскому и іонійскому, сокращенные глаголы на—*άω* употребляются въ образованіяхъ настоящаго времени по образцу глаголовъ на *ειναι*. Какъ и въ *Κοινή*, прош. совер. вр. принимаетъ формы спряженія настоящаго времени, напр., *τετελευτακόίσας* вм. *τετελευτηκόίς* и др.

13) Тутъ находимъ окончаніе наст. вр. въ прич. прош. сов. времени *παπούχον* вм. обычнаго *παπούχος*. Онъ распадается на слѣдующіе частные діалекты: 1) беотійскій съ произношеніемъ *η*: какъ *ε.* *ει:* какъ *η.* *οι:* какъ *υ.* съ закрытымъ произношеніемъ *γ*: каковое привело наконецъ къ такъ называемому итализму; 2) вессалийскій съ лесбосскимъ, изъ коихъ послѣдній имѣетъ вмѣсто *ηι:* *έγι* часто употребляемос въ народномъ языке *έγι*.

14) Въ формахъ въ родѣ *γεγχώταις* первый также допускаетъ въ прош. совер. вр. спряженіе по образцу настоящ. времени.

15) Насчетъ гласныхъ звуковъ онъ часто соотвѣтствуетъ *Κοινή* и теперешнему новогреческому: такъ, вм. *γ* пишется *ε:* или *:* (слѣд., итализмъ), затѣмъ иногда краткая гласная смѣняется долгой, а звуки *η* смѣшиваются со звуками *ε.*

16) Оба имѣютъ одинаковое употребленіе *α—ω* и *ε—ω*. У эфелкистиконъ (*έδωκεν* передъ гласными и въ концѣ предложнія, *έδωκε* передъ согласными), аттическое склоненіе, полныя формы предлоговъ, между тѣмъ въ другихъ діалектахъ

цами. Языкъ Гомера есть независимый отъ диалектовъ, самостоятельный искусственный языкъ; онъ господствуетъ также у позднѣйшихъ эпиковъ, въ философскихъ назидательныхъ стихахъ и въ эпиграммахъ. И языкъ юнійской лирики находился въ извѣстной мѣрѣ подъ вліяніемъ эпического языка, какъ тоже вполнѣ вѣрно и для древнѣйшей юнійской прозы. Еще Геродотъ признается представителемъ „пестраго языка“¹⁷⁾.

3) Аттическій діалектъ.

Но позднѣйшій болѣе древній общій языкъ есть аттическій. Его развитіе шло по двумъ параллельнымъ теченіямъ—литературнаго аттическаго языка и народнаго аттическаго языка: изъ нихъ послѣдній привелъ къ особенно наскъ интересующему здѣсь „общегреческому языку“ или *Κοινή*, къ которой принадлежитъ и языкъ Нового Завѣта.

Не представляетъ никакогѡ чуда, что аттическій языкъ пріобрѣль выдающееся значеніе. По окончаніи Персидскихъ войнъ (въ 449 г.) Аѳинь, благодаря мудрой, обдуманно-цѣлесообразной политикѣ Фемистокла, Кимона и др., сдѣлялись средоточнымъ пунктомъ великаго аттическаго морскаго союза. А соотвѣтственно моши самихъ Аѳинь, ихъ значенію въ качествѣ торговой гавани и центра всѣхъ искусствъ и наукъ—пріобрѣль столь-же преобладающую важность и ихъ языкъ. Союзники приходили въ Аѳинь, и Аѳиняне распространялись въ областяхъ союза чрезъ свои гарнизоны, чрезъ гражданскія колоніи и чрезъ общія союзническія предприятия подъ главенствомъ Аѳинь, чѣмъ постепенно утверждалось вліяніе ихъ языка среди союзниковъ. Уже выше мы видѣли, что юнійскій діалектъ по причинѣ своего древняго значенія временно еще удерживалъ выдающееся полу-

часто употребляются укороченные, усѣченные формы. Юнійскій распадается на три разновидности: 1) эвбейскую (съ оропскою). 2) кикладскую и 3) малоазійскую. Онъ греческое и постоянно замѣняетъ є. Въ немъ γιγνομαι и γιγνόμενο звучатъ γίγνομαι и γίγνόμενο (съ V в.). иногда съ возможностью растяженіемъ (γείγνομαι). Въ малоазійскомъ густое приыханіе очень рано было оставлено, съ каковыми явленіемъ мы будемъ имѣть дѣло потомъ при разсмотрѣніи *Κοινή* и—особенно—греческаго новозвѣтнаго языка. Аттическій діалектъ былъ подъ весьма сильнымъ вліяніемъ юнійскаго, какъ это доказывается тѣмъ, что въ 403 г. принялъ алфавитъ послѣдняго но еще съ 450 г. въ свою очередь и онъ началъ вліять на юнійскій. Для аттическаго характерны: употребленіе χισі наряду ѡεі, пока, наконецъ, восторжествовало одно ѡεі; постоянное примѣненіе въ эфелкистиконъ; устраненіе σφᾶς, στῖσι, σφῶ чрезъ ἐχυτοῦς и т. д. (съ 395 г.); формы повелит. наклоненія на—τωσαν вмѣсто—τωσу (съ 300 г. до р. Хр.); замѣна γεγράμματи и ἐπετάχαто описательными оборотами съ помощью εἰσιν, γέζεи (послѣ 410 г.).

¹⁷⁾ Так же и языкъ Солона обнаруживаетъ на себѣ вліяніе эпического языка.

еніе, еще вліяль на аттический діалектъ. Это мы усматриваемъ у торика Фукидіда въ его іонійскомъ *χτρόσσω* вм. аттическаго *χτρύτω*; , его неопред. наклоненіи цѣли, которое до него встрѣчается уже , смѣшанномъ языкѣ Гомера, а послѣ него въ языкѣ Н. З., между мъ въ аттической искусственной прозѣ совершенно оттѣняется; въ о *τοῦ* (τῆς) съ неопред. наклоненіемъ тоже для выраженія цѣли, какъ о опять находится и въ Н. З.¹⁸). Равно сюда же принадлежитъ и дат. д. дѣйствующаго лица при страт. залогѣ. Этотъ періодъ, который юстируется до конца Пелопоннесской войны (431—404 г.г.), можно назвать древнеаттическимъ.

Но вотъ пришло время, когда все, что могло что-либо значить стоять, устремилось въ Аѳины, гдѣ аттический языкъ именно въ комъ своемъ качествѣ поднялся на степень собственно литератураного языка. Горгій Леонтинскій началъ (около 427 г.) впервые писать поаттически. Приблизительно съ года 400-го до р. Хр. тянетъ съ года 350-го среднеаттический періодъ, блестящими представителями втораго могутъ служить такие мужи, какъ Лисій, Исократъ, Ксенофонъ и Платонъ, а древнѣйшимъ полноцѣннымъ памятникомъ его можетъ считать Псевдоксенофонтское сочиненіе *De republica Atheniensis* (вмени около 413 г.¹⁹). Становилось модой писать поаттически. Если увидидъ и его современники еще принимали много разныхъ іонійскихъ языковыхъ элементовъ, то и аттические элементы все многочисленнѣе начали проникать въ іонійскій діалектъ, открывая мѣсто для врежества аттическаго языка. При этомъ послѣдній не только преобразовываетъ іонійскій діалектъ, но и опять обнаруживаетъ на себѣ его піяніе. Этотъ процессъ языковаго обобщенія постепенно идетъ уже съ 400 г.—прежде всего въ собственныхъ именахъ, а потомъ и въ имененіяхъ. Еще Псевдоксенофонтъ въ *De republica Atheniensi* говоритъ (XI, 3): „Аѳиняне имѣютъ нечто такое, что собрано и составлено въ всѣхъ грековъ и варваровъ“. И такъ у Аристотеля и прежде всего долго жившаго въ Аѳинѣ Ксенофonta мы можемъ видѣть вторжѣе многочисленныхъ іонизмовъ особенно въ словарѣ²⁰). И вслѣдствіе ульшихъ иностранныхъ взаимоотношеній въ періодъ новоаттическаго языка обнаруживается все болѣе сильное воздѣйствіе иородихъ элементовъ: двойственное число исчезаетъ, у сослагат. наклоненія смѣшивается съ *ει* изъявительного, измѣняемая по третьему

¹⁸⁾ Thüm. Dialekte, S. 373.

¹⁹⁾ Schwyzer. Weltsprachen des Altertums, S. 15 Anm.

²⁰⁾ Поскольку Ксенофонтъ есть предшественникъ *Κοινῆ*, см. и Prof. James Hope oulton, A Grammar of New Testament Greek, vol. I, Edinburgh 1908, p. 51; deutsche Ausgabe: Einleitung in die Sprache des Neuen Testaments, Heidelberg 1911, S. 45.

склоненію собственныя имена, напр., Δημοσθέους, приравниваются къ именамъ первого склоненія и др.

Теперь ясно, что „чистый“ аттическій діалектъ господствовалъ фактически не дольше поколѣнія. Неудержимо идетъ впередъ процессъ развитія живого языка, и „аттическіе“ писатели не остаются при одномъ аттическомъ языке эпохи разцвѣта. Все больше вторгаются чужие элементы. Поливій и его преемники до р. Хр. въ дѣйствительности писали на такомъ греческомъ языке, который съ трудомъ различается отъ описываемаго сейчасъ народнаго аттическаго языка²¹⁾). Классическій аттическій языкъ фактически вымеръ.

Но опять постепенно зашевелилась аттическая щепетильность. Какъ теперь образованные греки въ противоположность „языку мужиковъ“ стараются искусственно оживлять и примѣнять древнегреческій языкъ византійцевъ, такъ во время Діонисія Галикарнасскаго (около 50 г. до р. Хр.) и его преемниковъ архаистическая стремленія привели къ періоду новоаттицизма, когда дѣйствительно хотѣли искусственно возродить древнеаттическій языкъ, не отвергая вполнѣ „новаго“ языка (о чёмъ свидѣтельствуетъ примѣръ Лукіана Самосатскаго). Эти стремленія не достигли цѣли, а на ихъ мѣсто вступилъ выросшій изъ древнѣйшаго греческаго „народнаго языка“ (Κοινѣ) византійскій.

4) Аттическій народный языкъ.

Этотъ „народный языкъ“ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что отъ него прямая линія идетъ къ языку Н. З. Онъ существовалъ съ самаго начала наряду съ литературнымъ языкомъ. Источниками для его изслѣдованія служать комедіи Аристофана и младшихъ представителей этого рода литературного творчества, которые многократно выводятъ говорящими на свое мѣсто жаргонъ аттическихъ мужланъ и мужиковъ,—а затѣмъ и надписи. Какъ теперь, такъ и тогда низшіе классы населенія особенно доступны были чужимъ языковымъ вліяніямъ. Характерны для этого языка: смященіе краткаго *e* собств. *o* съ долгимъ, затѣмъ исчезновеніе нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ (напр., въ народномъ аѳинскомъ языке ἐποίησα употребляется вмѣсто ἐποίησεν и т. п.), равно наивозможное упрощеніе произношенія, когда, напр., сглаживается различіе между звуками *t* и *θ* и т. п.

Именно этотъ аѳинско-аттическій народный языкъ и сдѣлался народнымъ греческимъ языкомъ, распространяясь и разростаясь изъ своего постояннаго центра по все болѣе обширнымъ областямъ. При этомъ онъ и даваль и бралъ, что вѣрно прежде всего

²¹⁾ Поскольку и его можно считать источникомъ для Κοινѣ.

по отношению къ юнийскому диалекту Еще меньше аттического литературного языка онъ противился формамъ юнийского происхождения и при томъ такъ, что сила его сопротивления чужимъ формамъ уменьшается, чѣмъ больше онъ удаляется отъ родной аттической почвы. Посему на своей родинѣ почти до 300 г. до р. Хр. онъ остается болѣе „аттическимъ“, между тѣмъ вѣнѣ ея уже много ранѣе подпадаетъ юнийскому вліянію Іониское слово *έασ* = храмъ встрѣчается въ аттическихъ памятникахъ съ острова Делоса уже въ IV вѣкѣ, а въ самой Аттике лишь съ 252 г Конституированное еще у Фукидида юнийское *ει* вмѣсто аттическаго *η* (въ *εγρόεσσω* подлѣ *εγρόττω*) выдвигается наряду съ послѣднимъ сначала вѣнѣ Аттики, но въ ней долго не находить для себя никакой почвы, пока позднѣе захватывается наконецъ обѣ области. Тоже упомянутое *γίορχι*, будучи правиломъ вѣнѣ Аттики, въ ней самой попадается только съ 292 г. до р. Хр., судя по надписямъ. Іонийское *έυσιν* = „для, ради“ вѣнѣ Аттики уже въ IV в. столь же часто, какъ соотвѣтствующее аттическое *ενεκτ*, но въ Аглике его тогда почти совсѣмъ не было и выступаетъ оно на первый планъ лишь во II столѣтии. Это юнийскоѣ языковое вліяніе до конца утвердилось въ греческомъ народномъ языке. Еще въ Н. З. словарь во мнозомъ носитъ юнийскии характеръ, а часто также и формы. Можно сказать, что ко времени Александра Великаго „общій языкъ“, Коунѣ, или „прошедшій чрезъ юническую среду аттическій языкъ“, былъ уже языкомъ съ агтическою основой и юнийскимъ уткомъ²²).

Но, передѣльвая по своему образцу внутренній характеръ аттическаго народнаго языка, юнийскій, однако-же, отступалъ передъ нимъ шагъ за шагомъ. Мечтанія Аѳинянъ о повсюдномъ политическомъ владычествѣ жалостно разбились, но аттическій народный языкъ овладѣвалъ одною мѣстностью Эллады за другой: сначала юнийскими островами, потомъ юнийскою Малою Азіею (въ III в. до р. Хр.), нѣсколько послѣ также и эолійскою, потомъ Фессалию и Беотію (обѣими послѣдними также до нашей эры).

II.

Коунѣ.

1) Исторія.

Въ теченіе описаннаго развитія выступилъ Александръ Македонскій (356 г.—323 г. до р. Хр.) Онъ навсегда ниспрoverгъ границы греческихъ областей, а съ ними и греческихъ диалектовъ и вывелъ греческий языкъ ча просторъ всего міра. Въ войскѣ Александра Великаго встрѣчались всѣ возможныя греческія нарѣчія. Если походы, въ родѣ „Анавасиса“ десяти тысячъ съ греками различныхъ племенъ способствовали разложению греческихъ диалектовъ, то это происходило

при Александрѣ Великомъ еще въ гораздо болѣйшей степени. Совершалось здѣсь тоже, что мы видѣли при „уравненіи“ аттическаго діалекта съ юнійскимъ,—только теперь Аттика болѣе давала, чѣмъ брала²³⁾. Одинъ діалектъ за другимъ вносилъ сюда свою лепту. Даже упорные дорійцы должны были помѣняться своимъ діалектомъ съ общегреческимъ языккомъ. Кромѣ аттико-юнійскаго, никакой другой діалектъ не имѣлъ такой богатой внутренней истории, какъ дорійскій съ его „острымъ“ и „мягкимъ“ periodами, и — наряду съ аттико юнійскимъ — лишь онъ одинъ выработалъ и свой „общій языкъ“ ахейско-дорійскій въ качествѣ языка ахейскаго союза, объединивъ тутъ всѣ дорійские говоры, въ особенности же употреблявшіяся въ Аркадіи, и распространивъ за границы Пелопоннеса. Но послѣ того, какъ дорійскій общий языкъ уравнялъ путь для аттическаго, первый долженъ былъ уступить второму около рождества Христова. Выступившія при этомъ стремленія искусственно оживить дорійскій языкъ (какъ съ другой стороны и юнійскій въ новоюнійскомъ) не имѣли ровно никакого успѣха. Еще для I и II вв. по р. Хр. Светоній и Павзаній свидѣтельствуютъ о существованіи древнихъ діалектовъ на Родосѣ и въ Мессеніи, но около 500 г. по р. Хр. вымерли всѣ они кроме лишь лаконскаго (см. выше).

При образованіи *Коул* играли значительную роль также и тѣ области, гдѣ греческий противостоялъ другимъ языкамъ: это прежде всего Египетъ, Сирія и Малая Азія. Тутъ греки по противоположности чужимъ племенамъ скорѣе должны были сплотиться въ замкнутое цѣлое по языку, а съ другой стороны и иноязычные народы, въ особенности евреи, не склонны были усвоять какой-либо опредѣленный діалектъ. Такимъ путемъ и сама Эллада чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе должна была испытывать вѣяніе такихъ вѣргреческихъ областей.

Высоковажнымъ факторомъ этого процесса языкового выравниванія въ пользу „общаго языка“ было и христіанство въ своемъ Новомъ Завѣтѣ. Оно пользовалось „общимъ языккомъ“, какъ средствомъ для своего распространенія, и своими священными книгами, на языки коихъ совершилась проповѣдь, все болѣе и болѣе способствовало взаимному соглашенію діалектовъ. Помимо перевода LXX-ти, предназначавшагося для ограниченного круга и получившаго болѣе широкое примѣненіе только чрезъ христіанство,—Новый Завѣтъ есть первый литературный трудъ на этомъ новомъ языкѣ. Какъ мы видѣли, для нехристіанскихъ

24) Естественно, что и вѣюнійские діалекты со своей стороны привнесли нѣчто для образования *Коул*. Тѣмъ не менѣе воззрѣнія Р. Kretzschmer'a, яко бы послѣдняя представляеть пеструю смѣсь всѣхъ діалектовъ, не кажется состоятельнымъ въ такой рѣзкой формѣ, будто „діалекты были (лишь) субстратомъ, на которомъ отложилась *Коул*,—не безъ того, чтобы по мѣстамъ не воспринять на себѣ ихъ вѣяніе“.

круговъ еще долго служилъ литературнымъ языкомъ искусственно возрожденный древнеаттический письменный языкъ, а *Κοινή* была разговорнымъ языкомъ повседневнаго обихода и взаимныхъ сношеній²⁴⁾.

2) Сущность *Κοινή*.

По выраженію Helbing'a²⁵⁾, *Κοινή* присуще „стремленіе къ уравненію и упрощенію“. „Эта тенденція вполнѣ замѣтна во многихъ частностяхъ. Такъ, *Κοινή* старается устранить категорію двойства; желательное наклоненіе должно уступать мѣсто сослагательному, пре-восходная степень—сравнительной: аористъ II страд. начинаетъ воз-обладать надъ аористомъ I, а въ дѣйств. залогѣ—наоборотъ—сигмати-ческій аористъ преодолѣваетъ такъ наз. сильный; тамъ, гдѣ въ рядѣ временъ другъ подлѣ друга оказываются различные корни, стремится достигнуть господства одинъ, напр., аор. ἐνέμυσα вмѣсто ἔνειψα, ἐγάπησα вмѣсто ἔγηψα: являющееся ненужнымъ приращеніе отбрасывается: ἔσα—ἔωσα; ср. наконецъ явленія въ родѣ ἐδόκημεν, ἐδόκατε и многое другое. Къ принципу уравненія и упрощенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводить еще принципъ ясности, который выступаетъ въ ореографіи, гдѣ обособляются слова и элементы словъ и посему обнаруживается нерасположеніе къ элизіи, кразису и ассимиляціи“. Такова мѣт-кая характеристика Гельбинга. Еще какъ свидѣтельство въ пользу принципа упрощенія можно-бы упомянуть стремленіе къ устраненію двойственного числа. Это началось уже у Гомера, а предъ образова-щемъ *Κοινή* достигло завершенія у іонійцевъ, между тѣмъ въ аттиче-скомъ этотъ процессъ умирания шелъ очень долго (410—329 гг.). Да-тѣе, сюда-же принадлежитъ стремленіе къ „уравненію“ склоненій. Уже въ сѣверо-западно-греческомъ и другихъ мы находимъ ἀφύοις вмѣсто ἴγῶιν, въ кипрско-греческомъ, прежде всего въ Едаліонѣ и Тамасѣ (на Кипрѣ)²⁶⁾, встречаются ἀνδρίχυται, ἵτησαι, μέν (вм. μέ), равно изрѣдка въ вессалийскомъ κίσουх и др., гдѣ замѣтно приравненіе винит. пад. 3-го склоненія къ винит. п. 2-го склоненія, каковой процессъ достигъ пол-ной законченности въ новогреческомъ. Предтечами этого „уравненія“

24) Нельзя принимать, будто была совершенно однородная *Κοινή*. По Страбону III, 1, 2 въ разныхъ городахъ говорили различно. Среди іоніянъ должна была ходить *Κοινή* съ іонійскою окраской, у дорянъ острововъ и въ Пелопоннесѣ—съ дорійскою, въ Аттике—съ аттическою. Равно Малая Азія, Сирія, въ особенности наиболѣе точно известный съ этой стороны Египетъ, конечно, были самостоятельными окру-гами *Κοινή* со своими особенностями въ ней.

25) Dr. Robert Helbing, Grammatik der Septuaginta: Laut-und Wortlehre (Göttingen 1907), S. VII. Очень много материала въ Neutestamentliche Grammatik darge-stellt von Prof. Dr. Ludwig Radermacher (Tübingen 1911).

26) Примѣчательно здѣсь языковое соприкосновеніе съ чуждыми по крови фи-никіцами.

являются и случаи метаплазма, многообразности, когда слово склоняется по консонантному склонению въ тоже время изменяется по форме словъ на *α* или *ο*. Также и аористъ сильный, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ принять окончанія аориста сигматического тамъ, где послѣдній не возобладалъ всецѣло, напр., *εἴπαινεν*, *εἴπατε*, *ἐπέσαυτο*²⁷; равно и въ 3 л. мн. ч. перфекта имѣется окончаніе—*αν* *вмѣсто*—*αι*, Окончанія сигматического аориста проторгаются даже въ прошедшее несовершенное время, напр., *ἐλέγουσαν*, что отсылаетъ въ вліянію беотийскаго.

3) Источники *Κοινή*.

Но когда мы высказываемъ, что и новозавѣтный греческій языкъ принадлежить къ *Κοινή*, то этимъ самымъ возбуждается вопросъ: откуда же мы знаемъ эту *Κοινή*? Для сего существуетъ собственно шесть источниковъ: надписи, папирусные тексты, остраки, заимствованныя слова, новогреческій языкъ и LXX.

а) Надписи суть вырѣзанные, вылитые и выгравированные, выцарапанные (чѣмъ-нибудь острымъ) памятники языка правительственноаго и частнаго происхожденія. Послѣдніе больше приближаются къ народно-греческому, чѣмъ первые, где, естественно, замѣтнѣе „классический“ характеръ. Правительственные надписи содержать главнымъ образомъ тексты законовъ, народныя опредѣленія, податные тарифы и т. п., а частныя по большей части являются надгробными. Уже гуманисты начали собирать надписи, но лишь XIX-й вѣкъ, благодаря прежде всего *Corpus inscriptionum Aug. Boeckh'a*, сталъ вѣкомъ эпиграфики. Онѣ почерпаются изъ всѣхъ областей, окружающихъ Средиземное море, бывшихъ прежде подъ вліяніемъ греческой, собственно римской культуры. Много мы ихъ имѣемъ, но много сокрыто пока въ землѣ и еще больше ушло въ теченіи вѣковъ на строительный материалъ, отправлено въ обжигательныя печи или какъ-нибудь иначе уничтожено. Для насъ цѣнны прежде всего малоазійскія надписи, особенно изъ Ефеса, Пергама, Магнезіи, Пріены, Милета и др., потомъ изъ Греціи, Сиріи и Египта, а доступны онѣ для широкихъ круговъ въ разныхъ ученыхъ собраніяхъ ихъ (напр., Берлинской Академіи Наукъ). Нѣкоторыя надписи, особенно изъ эпохи гоненій, въ высшей степени важны и для церковной истории.

б) Папирусы. Растеніе папирусъ (не считая Италии, особенно же Сициліи) росло собственно лишь въ Египтѣ, и именно здѣсь вырабатывался изъ него писчій материалъ, который употреблялся около 3½ тысячетѣтій: древнѣйший доселѣ известный папирусъ восходитъ по времени около 2600 г. до р. Хр., а самый младшій относится къ

²⁷) Такъ въ апокрифическомъ Евангелии Петра ст. 18.

моменту много послѣ 640 г. по р. Хр. Только подъ горячимъ солнцемъ Египетъ могъ сохранить изумительное количество столь древнихъ документовъ и—какъ это ни удивительно—даже не въ архивахъ, а въ мѣстахъ для свалокъ и отбросовъ. Первый папирусный документъ отъ 191—2 г. по р. Хр.) полученъ въ Европѣ изъ Египта въ 1778 г., а съ тѣхъ поръ послѣдовательно, особенно съ 1877 г., благодаря систематическимъ разысканіямъ добыты оттуда въ Европу цѣлыхъ массы папирусовъ. Они содержать тексты главнымъ образомъ нелитературнаго характера: „Правовые (юридические) документы самого наиразнообразнѣйшаго содержанія, напр., арендные и наемные договоры, счета и квитанціи, брачные документы, разводныя письма и завещанія, приказы чиновниковъ, объявленія и штрафы, судебные протоколы, множество податныхъ актовъ, потомъ еще письма и записки, тетради школьниковъ, магические тексты, гороскопы, дневники и т. д. Содержаніе этихъ нелитературныхъ памятниковъ столь же разнообразно, какъ и сама жизнь. Греческихъ—многія тысячи, и эти папирусы обнимаютъ періодъ около 1000 лѣтъ. Древнѣйшіе восходятъ къ раннѣйшимъ временамъ Птоломеевъ, значить—къ III-му столѣтію до р. Хр., множество ихъ простираются уже въ византійскую эпоху“²⁴⁾.

Изъ всѣхъ ихъ, особенно же изъ писемъ, мы можемъ вполнѣ идѣть, какъ мыслилъ и говорилъ народъ. Впрочемъ, въ папирусахъ есть и много греческихъ остатковъ литературнаго свойства, даже христіанского происхожденія.

²⁴⁾ Prof. Adolf Deissmann, *Licht vom Osten: das Neue Testament und die entdeckten Texte der hellenistisch-römischen Welt* (Tübingen 1909, S. 19). Даты греческихъ папирусовъ опредѣляются временемъ съ 361 г. до р. Хр. по IX в. по р. Хр. У Дейсмана приведены и характерные для народнаго письма образцы. Таково, апр., письмо Антона Лонга къ своей матери, Нилусѣ, которую онъ проситъ о прощении за свое легкомысліе; оно отъ II в., изъ Файюма, теперь въ Берлинскомъ Музѣ и гласитъ слѣдующее (Deissmann, S. 128—130; см. также у Prof. George Lilligan: *Selections from the Greek Papyri*, Cambridge 1912, p. 93—95, и *The New Testament Documents, their Origin and Early History*, London 1913, p. 259—260, равно ж. Hans Lietzmann, *Griechische Papyri*, Bonn 1910, S. 5): „Антоній Лонгъ Нилусѣ, своей матери, (шлетъ) многія привѣтствія! Постоянно молюсь я, чтобы ты правствовала. Молитвы за тебя я ежедневно возношу господу Серапису. Позволяю сообщить тебѣ, что я не надѣлся, чтобы ты пошла въ митрополію. Посему и я не приходилъ въ этотъ городъ. А идти въ Караписъ мнѣ было стыдно, потому что я рожу ободраннымъ. Пишу тебѣ, что я нагъ. Умоляю тебя, маменька, пощади (проти) меня! Вѣдь я знаю, что все это я самъ себѣ навлекъ. Наказанъ я во всѣхъ гношеніяхъ. Я знаю, что согрѣшилъ. Я слышалъ отъ Постума, который встрѣтилъ меня въ Арсионѣскомъ округѣ и не кстати рассказалъ все тебѣ (обо мнѣ). Знаешь и ты, что я готовъ-бы лучше сдѣлаться калѣкой, чѣмъ знать, что я долженъ кому-нибудь еще хотѣть обольщ.. умоляю тебя... умоляю тебя...“ Достопримѣчательно найденое въ Оксиринхѣ, теперь въ Bodleevой библіотекѣ въ Оксфордѣ, письмо мальчика

Другимъ обильнымъ источникомъ папирусовъ является Геркуланъ (или, правильнѣе, Геркуланей); здѣсь папирусы отъ жары по темнѣли, но все-же сохранили для насъ богатыя сокровища ²⁰⁾.

в) Остраки. Всякій по изученію древней греческой исторіи знаетъ, что Аристидъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ (въ 483 г.) чрезъ остракизмъ, т. е. черезъ приговоръ посредствомъ черепковъ. Соответственно своему имени, это были глиняные черепки, которые часто примѣнялись въ качествѣ писчаго материала въ Аѳинахъ съ VI в., но распространены были и вообще, прежде всего въ областяхъ, прилегавшихъ къ Средиземному Морю съ востока. И опять преимущественно почва Египта сохранила намъ тысячи черепковъ отъ времени первыхъ Птоломеевъ до вѣка VIII-го съ іератическими, димотическими и коптскими текстами. „Они имѣютъ самое разнообразное содержаніе, заключая письма, контракты, счеты, переписныя вѣдомости (объявленія), указы, даже иногда выписки изъ классическихъ авторовъ. Въ общемъ, и на остракахъ мы находимъ тѣ же тексты, что на папирусахъ, но только—по самой природѣ—острактные тексты болѣею частію короче, чѣмъ папирусные. Но подавляющее число остраковъ состоитъ изъ податныхъ квитан-

Феона своему отцу Феону-же отъ II-го или III вѣка по р. Хр. (Deissman, S. 137 ff. H. Lietzmann, S. 213-14; G. Milligan, Selections from the Greek Papyri, p. 102 - 103): „Феонъ Феону, своему отцу, привѣтъ! Хорошо-же ты поступилъ: не взялъ меня съ собою въ городъ! Если ты не хочешь брать меня съ собою въ Александрию, то и я не буду писать тебѣ ни единаго письма, не буду говорить тебѣ или желать здоровья. И если ты (все-таки) пойдешь въ Александрию,—я не прошу твоей руки и впредь совсѣмъ не буду привѣтствовать. Если ты не желаешь брать меня съ собою; то такъ и будетъ. И моя мать говорила Архелаю: ..Онъ сводитъ меня съ ума! Чортъ съ нимъ! Какъ ты хорошо поступилъ со мной: вѣдь ты присылаешь мнѣ большие подарки—(сладкіе) стручки (аракій)! Они прельстили насъ здѣсь въ 12-й день, какъ ты отплылъ. Впрочемъ, посыпай мнѣ, прошу тебя. Если не пришлешь, я не буду ни есть, ни пить. Такъ! Желаю тебѣ здравствовать. Тиби 18-го“. Письмо отъ 346 г. по р. Хр., нынѣ въ Британскомъ Музѣѣ, служившаго въ Эрмупольѣ, въ Файюмѣ, христіанского священника Каора къ начальнику лагеря въ Діонисіадѣ Флавію Авиннею касается бѣглого солдата (см. G. Milligan, Selections from the Greek Papyri, p. 123—124) и до нѣкоторой степени параллельно Павлову посланію къ Филимону: ..Своего владыку и возлюбленнаго брата Авиннея, препозита, привѣтствуешь Каоръ, пapa (попъ) Эрмупольскій. Привѣтствуую я дѣтей твоихъ многихъ. Позволяю сообщить тебѣ, господинъ, о солдатѣ Павлѣ, о его бѣгствѣ, чтобы на этотъ единый разъ дать ему прощеніе; я совсѣмъ не имѣю времени самъ идти къ тебѣ сегодня. Если онъ не перестанетъ, то опять попадетъ въ твои руки въ другой разъ. Желаю тебѣ благополучія на многіе годы, господинъ мой братъ“. Это письмо, кажется, было вручено авторомъ раскаявшемуся дезертиру для передачи его начальнику.

²⁰⁾ Съ грамматической стороны обслѣдованы у Cröner'a, Memoria graeca Herculaneensis (1903).

цій"³⁰). Это былъ писчій материалъ прежде всего для бѣдняковъ, под-
биравшихъ то, что не имѣло цѣнности для другихъ. Впрочемъ, на
остракахъ въ изрядномъ количествѣ сохранились и библейскіе тексты.
Предполагаютъ, что послѣдніе выписывались такъ для цѣлей (богослу-
жебнаго) чтенія или въ качествѣ экзаменскихъ копій со стороны бѣдныхъ
христіанъ, искашихъ діаконства и ради испытанія обязывавшихся
списать для свсего епископа евангельскіе тексты какого-либо рода³¹).

г) Заемствованныя слова. Всякій знаетъ, какъ много въ
русскомъ языке иностранныхъ словъ, которыхъ иногда не поддаются ни
малѣйшей русификаціи. Тоже было и въ греческомъ языке, гдѣ, напр.,
восприняты нѣкоторые слова изъ финикійскаго, равно цѣлый рядъ ре-
ченій отъ разныхъ иноязычныхъ народовъ. Это въ особенности пошло
съ тѣхъ порь, какъ Александръ В. подчинилъ греческому вліянію весь
Востокъ, т. с. когда Константина достигла своего полнаго развитія. И какъ
мы видимъ это прежде всего на іудейско-новоеврейскомъ, іудейско-арам-
ейскомъ, христіанско-сирийскомъ, мандейскомъ, арабскомъ, армянскомъ,
латинскомъ и въ особенности также на коптскомъ,— они представляютъ
въ высшей степени обильный источникъ касательно состоянія грече-

³⁰) Ad. Deissmann, *Licht vom Osten*, S. 229.

³¹) Ad. Deissmann *ibid.*, S. 234. Вотъ нѣкоторые образцы остраковъ. Отъ
63 г. по р. Хр. изъ Фивъ: „Псенамуній, сынъ Пекизія, жрецъ Изиды, арендатору
Пибухію, сыну Патесзія, привѣтъ! Я получилъ отъ тебя 4 драхмы и 1 оболь сбо-
ровъ Изиды, на общественные повинности. Въ 9-й годъ Нерона Владыки. 11-го Ме-
сопори“. Отъ 32–3 г. по р. Хр. изъ Фивъ квитанція сбора съ иностранцевъ: „Памарій,
сынъ Ермодора, Абу. Я получилъ отъ тебя сборъ съ иностранцевъ за мѣсяцы Тоутъ
и Фаофи 2 драхмы. Въ 19-й годъ Тиверія Кесаря Августа“. А вотъ (фрагментарная)
записка насчетъ пшеницы отъ II в. по р. Хр. изъ Фивъ: „Криспъ на На... Прикажи
во имя... для западной части... Вестидіѣ Секундѣ, представляемой замѣняющею ее
Полліей Марией Младшей. два, половину, треть и четырнадцатую часть артавовъ пше-
ницы“. А какъ важны могутъ быть остраки и для текстуальной критики Н. З.,—по-
казываютъ опубликованные Le feuvre'омъ (*Fragments grecs des Evangiles sur*
Ostraca въ „*Bulletin de l'Institut fran ais d'archeologie orientaleAd. Deissmann въ „*Die Christliche Welt*“ XX, 1906. Sp. 19 ff.) тексты, которые со-
дѣржать, прежде всего, достаточно много отрывковъ изъ Евангелія Луки. Если они и
произошли лишь въ VII вѣкѣ по р. Хр., то все-же ими съ несомнѣнною твердостю
удостовѣряется, какіе тогда тексты авторитетно ходили въ Верхнемъ Египтѣ, а это
мы, естественно, не можемъ установить съ такою увѣренностью посредствомъ руко-
писей, ибо топографическая генеалогія ихъ часто сомнительна. Вотъ нѣкоторые при-
мѣры огсюда (см. Ad. Deissmann, *Licht vom Osten*, S. 232). Лк. XXII, 70–71
выписано здѣсь почти пунктуально по *textus receptus*: „И сказали всѣ: итакъ Ты
Сынъ Божій? А Онъ сказалъ имъ: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое намъ
еще нужно свидѣтельство? Мы вѣдь сами слышали это изъ усть...“ Десять изъ этихъ
остраковъ могутъ быть расположены послѣдовательно и, значитъ, принадлежать къ
одной серии; здѣсь, по преимуществу, воспроизведена исторія страданій Христа Спа-
сителя.*

скаго языка въ то время, когда восприняты эти заимствованныя слова, — по преимуществу относительно звуковъ (произношениа), уже меньше для формъ и совсѣмъ мало и слабо для синтаксиса. Если взглянуть изданіе коптскихъ текстовъ, то всякий увидитъ, что они кишатъ греческими, „иностранными“ для нихъ словами.

д) Высокую важность для изслѣдованія „общаго языка“, имѣеть и новогреческій народный языкъ, языкъ теперешнихъ греческихъ крестьянъ³²⁾. Въ его подлинномъ видѣ, этотъ народный языкъ представляетъ органическое развитіе изъ описанной нами античной народной *Κοινή*. Насчетъ полезной пригодности его для вопроса о занимающемъ нась языкѣ въ особенности цѣнны труды такихъ ученыхъ, какъ Хатцидакисъ (Hatzidakis) и Тумбъ. И дѣйствительно, въ новогреческомъ народномъ языкѣ встрѣчаются въ полномъ развитіи такія свойства, которыя въ изслѣдуемой нами *Κοινή* были только въ зародышѣ, напр., смѣщеніе формъ первого и второго склоненій съ формами третьяго склоненія: иѣкоторыя глагольные формы, бывшія тамъ въ стадіи начинающагося разложенія, въ новогреческомъ совершенно вымерли. Впрочемъ,—какъ это ни удивительно,—новогреческій народный языкъ сохраняетъ еще остатки древнихъ греческихъ діалектовъ, въ особенности доризмы.

е) Цѣннымъ источникомъ для *Κοινή* является и греческій переводъ В. З. LXX-ти. Хотя грамматическое изученіе языка этого перевода только еще начинается, но уже установлено Гельбингомъ³³⁾, что, будучи всецѣло переводомъ, LXX написаны на языкѣ своего времени или *Κοινή*. Къ собственно переводнымъ особенностямъ у LXX-ти тѣснѣйшимъ образомъ принадлежать семитизмы, которые по Тумбу³⁴⁾ выступаютъ въ качествѣ слѣдовъ чуждаго языкового генія въ словоизначеніяхъ, во фразеологіи, въ способѣ (строѣ) выраженія и конструкцій или даже и въ самой грамматикѣ. Прежде во всѣхъ подобныхъ оборотахъ подозрѣвали семитизмы, но въ новѣйшее время они оказались по надписямъ свойственными *Κοινή*: такъ, частое повтореніе въ В. З. *и* (изі) возводилось фактически къ еврейской конструкціи, которая по-всюду предпочитаетъ „сочиненіе“ предположеній, поставляя ихъ рядомъ (паратаксисъ), однако это явленіе встрѣчается уже у Гомера³⁵⁾ и, конечно

³²⁾ Его не нужно смѣшивать съ искусственно архаизируемымъ письменнымъ (литературнымъ) языкамъ, представляющимъ возобновленіе древнѣйшаго византійскаго литературнаго языка, т. е. литературной *Κοινή* позднѣйшей древности, и искусственно удерживаемымъ въ газетахъ, библейскихъ переводахъ и прозаической литературѣ.

³³⁾ Grammatik der Septuaginta (Göttingen 1907), S. III.

³⁴⁾ Griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus (Strassburg 1901), S. 120.

³⁵⁾ Prof. K. Brugmann, Griechische Grammatik. S. 355 f.

потому, что онъ былъ ближе къ натуральной почвѣ языка, чѣмъ ат-
тическій литературный языкъ, по искусственнымъ основаніямъ пред-
почитающей „соподчиненіе“ предложеній. Народная рѣчь любить такія
отрывочные предложения, связанныя одно съ другимъ, а учителямъ хо-
рошо извѣстно пристрастіе школьніковъ къ постояннымъ и – особенно
въ библейскихъ и всемирно-историческихъ разсказахъ³⁶). Такимъ пу-
темъ и еще цѣлый рядъ мнимыхъ семитизмовъ отысканъ былъ въ Коинѣ
напр., повтореніе указательного мѣстоименія въ относительныхъ пред-
ложеніяхъ послѣ соотвѣтствующаго относительного мѣстоименія, что
встрѣчается также у Геродота и Иперида. И, вообще, многія другія осо-
бенности языка LXX-ти выясняются изъ Коинѣ, напр., и формула
клятвы *εἰ μῆ*.

Но при всемъ томъ нельзя отрицать, что у LXX-ти дѣйствительно
есть семитизмы и именно даже въ области грамматики. Однако изслѣ-
дователи согласны признать лишь такъ наз. „случайные“ семитизмы,
которые, будучи переводными, не относятся собственно къ Коинѣ, какъ
таковой³⁷). Впрочемъ, и самъ Тумбъ замѣчаетъ³⁸): „Итакъ, пожалуй
было бы можно отрицать грамматическая вліянія семитическихъ язы-
ковъ въ живомъ развитіи греческаго языка вообще, но это, конечно,
будетъ преувеличеніемъ для Сирии и Египта. Въ этихъ странахъ, не-
сомнѣнно, была въ народной Коинѣ чуждая синтаксическая окраска,
хотя она доселѣ едва-едва открывается въ нашихъ языковыхъ текстахъ.
Частію это потому, что собственное свободное развитіе и чуждое воз-
дѣйствие различить трудно (или можно только лишь въ отдѣльныхъ
случаихъ), почему въ констатированіи чуждыхъ оборотовъ выраженія
нужно быть особенно осторожными“. Въ качествѣ основного правила
слѣдуетъ принять: какъ еврейскій теперешній жаргонъ преобладаетъ
тамъ, где много евреевъ живетъ вмѣстѣ, подобно сему и іудейско-
греческій языкъ былъ особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ Александрія³⁹),
Киренаика и Кипръ, где жило много тысячъ евреевъ. Вообще же, ни-
коимъ образомъ нельзя исключать, что въ греческій языкѣ проникали
семитизмы, въ лексиконъ и грамматику⁴⁰).

³⁶) Для примѣра можно привести одинъ файюмскій фрагментъ отъ 171 г. по
р. Хр. (см. у A. D. Deissmann, *Licht vom Osten*, S. 391): „Вчера... когда мы по-
рану возвращались около деревни Фадельфи въ Фемистовомъ округѣ, на насъ между
Полидскіей и Фадельфіей напали какіе-то злодѣи и связали насъ вмѣстѣ съ ба-
шеннымъ сторожемъ и много мучили насъ побоями и поранили Пасиона и отняли у
насъ 1 поросенка и отобрали хитонъ Пасиона и и...“.

³⁷) A. Thum b, *Griechische Sprache*. S. 122.

³⁸) Ibid., S. 132.

³⁹) Prof. E. Schürer, *Geschichte des jüdischen Volkes* III, S. 21.

⁴⁰) Литературу по исторіи греческаго языка и –специально о Коинѣ см. въ выше-
названномъ переводе Штокса грамматики Робертсона (стр. 271 слл.; см. но-

III.

Языкъ Новаго Завѣта.

1) Семитизмы.

При разсмотрѣніи Новаго Завѣта мы, прежде всего, должны решить вопросъ о семитизмахъ. Безъ сомнѣнія, таковыхъ нужно ожидать и въ Н. З.—во 1-хъ потому, что въ нихъ есть выдержки изъ греческаго (состѣв. еврейскаго) В. З., о характерѣ коего сказано выше, а во 2-хъ потому, что весь окружавшій его міръ былъ семитическимъ и—особенно—арамейскимъ. Это видно изъ именъ въ родѣ Іешуа—Іисусъ, Кифа, Воанергесъ для сыновъ Зеведеевыхъ, всѣхъ собственныхъ сложныхъ именъ, начинающихся съ Вар (Бар)=сынъ такого-то и др., да-лѣе—изъ различныхъ арамейскихъ языковыхъ остатковъ въ Н. З., напр., Авва, Еффаѳа, Талифа Куми(ъ), изъ словъ Господа на крестѣ „Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя оставилъ еси“, какъ они выражены по-гречески, изъ реченія Апостола Павла (1 Кор. XVI, 22) „Маранаѳа“ (Господь нашъ пришелъ), изъ употребленія въ Н. З. притчей, чтѣ не по-гречески⁴¹), наконецъ, изъ свидѣтельства (у Евсевія Ц. И. III, 39, 16) Папія, епископа Іерапольскаго, что Матеей записалъ слова Господни на еврейскомъ языке (έβραιδι διλέχετθ). Поелику собственно еврейскій языкъ тогда уже не былъ живымъ и едва ли „мытарь“ Матеей путемъ специального изученія могъ настолько овладѣть имъ, то обычно [хотядалеко не безспорно] предполагается, что у Папія нужно разумѣть арамейский языкъ⁴²). По характеру языка, — и въ рѣчахъ Евангелій, особенно Матея и Луки, и въ источникахъ книги Дѣяній замѣтны арамейскія особенности. Дальманъ констатировалъ⁴³) цѣлый рядъ сочетаній словъ,— напр., ἐλθών, ἐρχόμενος съ verbum finitum Мат. V, 24 и др., χρείς, κα-

вое изданіе: A. T. Robertson, A Grammar of the Greek New Testament in the Light of Historica Prof. I. Research, London, Hodder and Stoughton, 1915, а о немъ см. у Rev. Prof. James Moffatt The Expositor" 1915, II, p. 183 188, что „it is a remarkable achievement, from whatever it considered“) но къ показанной тамъ (на стр. 277) литературѣ о заимствованныхъ словахъ нужно прибавить приведенную у Prof. K. Krumbackera (Byzantinische Literaturgeschichte, München въ 1897, S. 1135 ff.), для армянского A. Thumb въ „Byzantinische Zeitschrift“ IX, S. 183 ff., для арамейского вообще Th. Nöldeke, Mandäische Grammatik (Halle 1875), S. XIX f., для коптскаго K. Wessely, Griechische Lehnwörter der sahidischen und boheirischen Psalmenversion въ „Denkschrifte der Wiener Akademie“ LIV, Heft 3 (Wien 1910).

⁴¹) Cp. Prof. Ed. Norden, Antike Kunstprosa, S. 509 (817 f.), 538.

⁴²) Cp. Prof. Gustaf Dalman, Worte Jesu I (Leipzig 1898), S. 45 ff.

⁴³) Ibid., S. 16 ff.

аλιπόν при обозначеніи ухода Мате. XIII, 36 и др., καθίσας при нѣко-
орыхъ дѣйствіяхъ въ сидячемъ положеніи Мате. XIII, 48 и др., ἐστῶς,
ταθεῖς при глаголахъ прошенія и под. Мате. VI, 5 и др., ἀναστάς и ἐγερ-
θεῖς съ *verba finita* Мате. IX, 9 и др., при чемъ оказалось, что чистые
семитизмы встречаются почти исключительно у Луки. Равно показано у
Іальмана арамейское происхожденіе и для ряда понятій, напр., βασιλεία
ѡу θρανῷ съ его сочетаніями, αἰών ρέλλων, ζωὴ αἰώνιος, κύρος въ ре-
ligіозномъ смыслѣ, κύρος о Богѣ, πατήρ ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς νίὸς τοῦ αὐ-
τοῦ που, Христός, νίὸς Δεξεῖδ о Христѣ. Значитъ, семитизмы несо-
мнѣнны въ Н. З.

2) Языкъ Новаго Завѣта и Коинѣ.

а) Словарь.

На основаніи самостоятельнаго словаря Н. З. издавна говорили
о „языкообразующей моши Св. Духа“. Никто не можетъ и никакъ
только отрицать, что всякое духовное движение создаетъ для себя свою
ловесную оболочку. Приходилось читать, что между словаремъ Шек-
спира и Лондонскаго разнощника угля отношеніи 10,000 : 500. И какъ
того во всѣхъ языкахъ привнесли поэты, философы и вообще лучшіе
писатели! Не тѣмъ-ли больше должно было творчески воздѣйствовать
на языкъ и создавать свой словарь такое духовное движение, какъ
христіанство? И всякий, кто считаетъ его не за нѣчто земное, а за
ткровеніе Бога въ Сынѣ Своемъ, тотъ обязанъ признавать за нимъ
языкообразующую силу. Этимъ путемъ также исполнилось обѣтова-
ніе Христа Апостоламъ о вѣрующихъ (Марк. XVI, 17): κατακαὶ γλώσσαὶ
αληφούι, языки возглаголютъ новы.

Однако количество словарныхъ новообразованій въ Н. З. не
акъ велико, какъ можно было бы думать. Число новозавѣтныхъ
παξ λεγομέновъ постепенно все уменьшается соотвѣтственно увеличива-
ющейся извѣстности словаря папирусовъ. Таковыхъ пока осталось
сего около 50 словъ изъ всій суммы ихъ въ Н. З. въ 5.000 ⁴⁴⁾, при
емъ и о тѣхъ можно предполагать, что лишь письменно они найдены
олько въ новозавѣтныхъ книгахъ, а устно—въ живой рѣчи—употре-
блялись не рѣдко: если же папирусы или надписи несомнѣнно до-
христіанского происхожденія содержать какое-либо, извѣстное доселѣ
и чь изъ Н. З., слово то мы должны почерпать познаніе его именно
ттуда. Дейманъ представляетъ все возрастающее количество убѣж-

⁴⁴⁾ Ad. Deissmann, *Licht vom Osten*, S. 250. Насчетъ новообразованій и
реобразованій со стороны христіанства въ языковой области въ настоящее время
можно судить хотя-бы по отчетамъ миссионеровъ о библейскихъ переводахъ на не-
ѣдомые языки.

дающихъ примѣровъ того, что цѣлый рядъ почитавшихся исключительно новозавѣтными словъ фактически примѣнялся уже прежде (или одновременно) и во вѣхристіанскихъ кругахъ. И такъ составъ новозавѣтныхъ ἄπαξ λεγομένου можетъ каждодневно сокращаться.

При дальнѣйшемъ безпристрастномъ разсмотрѣніи оказываются многія созвучія съ Н. З. и въ языкѣ эллинскихъ мистерій. Дитерихъ отмѣчаетъ⁴⁵⁾, что обозначенія мистовъ въ ихъ взаимоотношеніи какъ ἀδελφοί, или какъ ѿбі жреца—πατήρа въ мистеріяхъ Митры, а не менѣе того и въ мистеріяхъ Изиды, Аттиса и въ нѣкоторыхъ формахъ Діонисова культа употребляются точно такъ-же, какъ и въ христіанствѣ. Но здѣсь все рѣшаetъ вопросъ о первенствѣ. Тутъ и самъ Дитрихъ констатируетъ⁴⁶⁾, что терминологію митраистическихъ степеней мы знаемъ въности только изъ римскихъ источниковъ IV в., а по инымъ (раннѣйшимъ) источникамъ лишь отрывочно. И такой знатокъ митраистической религії, какъ Фр. Кюмонъ удостовѣрилъ⁴⁷⁾, что послѣдняя въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова выработалась впервые въ Малой Азіи и что разгромленные Помпеемъ морскіе разбойники были первыми ея исповѣдниками. При этомъ не надо опускать изъ вниманія, что это извѣстіе всгрѣвается лишь у Плутарха, писавшаго почти на два вѣка позднѣе († около 120 г. по р. Хр.). И еще одно соображеніе побуждаетъ къ осторожности: всѣ древнія мистеріи были между собою толерантны, и у нихъ взаимно ходили словесныя формулы и религіозныя обряды. Но христіанство съ самаго начала относилось ко всѣмъ имъ нетерпимо и непримиримо, не желая имѣть съ ними никакого дѣла. А при такихъ условіяхъ—какъ-же христіанство могло заимствовать оттуда религіозныя реченія для себя?! Съ точки зрѣнія религіозно-исторической это невѣроятно⁴⁸⁾.

Рейценштейнъ высказалъ⁴⁹⁾, что самообозначеніе Апостола Павла въ Филим. 1 δέσμιος Χριστῷ восходитъ къ словоупотребленію мистерій. и для сего ссылается на одно мѣсто у св. Ипполита (Refutatio, proemium, p. 4, lin. 28 по изданію Schneidewin'a), что мисты назывались

⁴⁵⁾ K. Dieterich, Eine Mithrasliturgie (Leipzig 1903), S. 149 ff.

⁴⁶⁾ Ibid., S. 151.

⁴⁷⁾ Fran ois Cumont, Die orientalischen Religionen im r omischen Heidentum (Leipzig und Berlin 1910), S. 168. Cp. также Prof. C. Clemens, Der Einfluss der Mysterienreligionen auf das  lteste Christentum, Giessen 1913.

⁴⁸⁾ По вопросу объ отношеніи мистерій къ христіанству см. и у проф. Н. Н. Глубоковскаго, Благовѣстіе св Апостола Павла по его происхожденію и существу, кн. II (Спб. 1910), стр. 99, 7.₁₉₀₆ 1147 сл., 1159 сл., 1170—1175, 1181—1186, 1195, 1196, 1197; 213.

⁴⁹⁾ Prof. R. Reitzenstein, Die hellenistischen Mysterienreligionen, ihre Grundgedanken und Wirkungen (Leipzig und Berlin 1910), S. 71, 75, 81.

δέσμιοι и въ такомъ качествѣ должны были проходить періодъ искуса. Однако все это неубѣдительно. Не будемъ говорить, что тутъ данное обозначеніе встрѣчается уже въ третьемъ вѣкѣ по р. Хр. у христіанскаго писателя и въ иномъ сочетаніи, ибо св. Ипполитъ фактически говоритъ о δέσμιος τῆς ἀμαρτίας, чтѣ отзыается вполнѣ христіанскимъ словоупотребленіемъ. Помимо всего этого нужно помнить, что Апостолъ Павелъ называетъ себя, прежде всего, πρεξβύτης и уже потомъ присоединяется: νοι δὲ καὶ δέσμιοι Ιησοῦ Христоῦ (ст. 9), рѣшительно отмѣчая этою прибавкой свое новое тогдашнее положеніе. А посланіе къ Филимону писано изъ Рима или во всякомъ случаѣ изъ такого мѣста, гдѣ Апостолъ Павелъ находился въ узахъ. При такихъ обстоятельствахъ и его терминъ δέσμιος получаетъ совершенно другое освѣщеніе, констатируя, что благовѣстникъ былъ въ то время узникомъ, носившимъ узы ради Господа Іисуса Христа, какъ и отмѣчаемый въ этомъ положеніи Епафрасъ (ст. 23). Въ этомъ же смыслѣ „узы“ Апостола не рѣдко выступаютъ и въ книгѣ Дѣяній.

Реченія въ родѣ γένεσις πνευματική, также употреблявшагося въ языкѣ мистерій, опять—подобно δέσμιος—возводятся къ св. Ипполиту (*ibid.* V, 9, р. 170). Но это выраженіе находится у христіанско-гностической секты нассеновъ, и потому, объективно разсуждая, мы не можемъ отрицать вѣроятность здѣсь христіанскихъ вліяній. Это самое истинно и для многихъ другихъ случаевъ.

Фактически же несомнѣнно, что христіанство заимствовало много выражений изъ мірской, языческой жизни, но пополнило ихъ новымъ содержаніемъ, сообщивъ имъ новое духовное значеніе. А что для тогдашняго человѣчества это часто было новостію, мы видимъ, напр., изъ отношенія Никодима къ рѣчи Господа Спасителя объ ἄνωθεν γεννηθῆναι, каковое выраженіе онъ готовъ былъ понимать во внѣшне-буквалистическомъ смыслѣ (Іоан. III, 3 сл.), между тѣмъ Христосъ разумѣлъ внутреннюю жизнь (духовнаго возрожденія). Такимъ путемъ чисто свѣтскія, мірскія реченія надѣлялись богатымъ, новымъ содержаніемъ. И даже самъ Дейсманъ указалъ ⁵⁰⁾, что слово ἡγάπη первоначально принадлежало нелитературному народному языку и употреблялось здѣсь въ чувственномъ смыслѣ. въ какомъ оно примѣняется потомъ и у LXX-ти, напр., въ Пѣсни Пѣсней, равно въ (фрагментарной) Писидійской надписи императорскаго періода, но языческаго происхожденія. Насколько извѣстно доселѣ,—больше это слово въ литературѣ не встрѣчается. Затѣмъ наблюдается процессъ одухотворенія по пути къ религіозно-моральному значенію уже у LXX-ти, Филона и (однажды) у

⁵⁰⁾ „Theologische Literaturzeitung“ 1912, Nr. 17, Sp. 522 f. въ отчетѣ о ре-дактируемомъ проф. Кѣдѣлемъ новомъ, 10-мъ изданіи Кремерова Словаря.

(Псевдо-) Аристея. А въ Новомъ Завѣтѣ оно употребляется у Апостола Павла 1 Кор. XIII для духовной „Пѣсни Пѣсней“ и служить къ обозначенію „небесной любви“ ⁵¹⁾.

б) Фонетика Нового Завѣта.

Очень трудно говорить съ увѣренностію о фонетикѣ новозавѣтнаго языка, ибо манускрипты по мѣсту происхожденія и по времени слишкомъ удалены другъ отъ друга, и потому по нимъ весьма рискованно восстановлять первоначальный видъ новозавѣтной орѣографіи. Будетъ крайне поспѣшно допускать, чтобы рукопись отъ IV вѣка въ орѣографическомъ отношеніи точно представляла текстъ Н. З., какъ онъ вышелъ изъ рукъ того или иного священнаго писателя. Могли одинаково употребляться *λογίχ* и *λογείχ*. По одинаковости произношенія *ει*, *ει*, *ηι*, *υι*, *ωι*, они легко могли взаимно замѣняться, какъ и *αι* съ *ει*, *οι* съ *ωι*. Встрѣчаются *εινεχει* наряду съ *εινειχει*, и — напротивъ — только *εικ*. Конечное — у часто не ассимилируется. Столь же затруднительно установить общеупотребительныя правила касательно *υ* — эфелкистиконъ въ концѣ соответствующихъ глагольныхъ формъ. И здѣсь въ особенности нельзя надѣяться на совершенно точное воспроизведеніе первоначального текста. Тоже и при сокращеніяхъ. Аттическія закрытые формы мѣняются съ іонійскими открытыми. Часто здѣсь необходимо считаться и съ личными предрасположеніями библейскихъ писателей.

Интересно отношение Н. З. къ *spiritus asper*, густому приыханію въ началѣ нѣкоторыхъ гласно начинающихся словъ, среднему между рѣзкимъ *λ* и не выражаемымъ нами письменно, а потому и незамѣтнымъ для восприятія *spiritus lenis* (тонкимъ приыханіемъ, соответствующимъ евр. алефъ) въ началѣ такихъ словъ, которыя у насъ начинаются чистыми гласными. Въ цѣломъ рядъ языковъ ясно обнаруживается стремление все больше ослабить этотъ приыхательный звукъ. Такъ это за-

51) См. Prof. George Milligan, *The New Testament Documents*, p. 58—59: „было бы нѣсколько излишне сказать, что слово *χρ\u03c6τ\u03c6* родилось въ нѣдрахъ открыенной религіи, но замѣчательно, что въ свѣтской греческой литературѣ не найдено ни одного совершенно яснаго примѣра его употребленія, а оно столь характерно для библейскихъ писаній, что можетъ считаться собственнымъ для нихъ во всенародномъ усвоеніи тутъ специального смысла“. Ср. и у проф. С. М. Зарина, Современный открытия въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту (Спб 1914), стр. 60. См. обѣ этомъ терминъ еще у Proff. James Hope Moulton und George Milligan, *The Vocabulary of the Greek Testament illustrated from the Papyri and other non-literary Sources*, Part I (о которой см. у Rex. Prof. James Moffatt „The Exportter“ 1915, II, p. 189—192), London 1914, p. 2, и „The Expository Times“ XXVI, 3 (London: December 1914, p. 139a).

мѣтно въ ассирийскомъ, гдѣ въ начертаніи словоначинающихъ гласныхъ видимъ постепенный переходъ отъ густого *χ* къ тонкому (мягкому) *χ* и отъ этого къ едва замѣтному призвуку¹⁴, подобное—и въ еврейскомъ. Во французскомъ, особенно въ сѣверной Франціи, *h aspirée* тоже имѣетъ тенденцію уступать въ пользу *h muette*. Совершенно сходное и въ греческомъ. Здѣсь въ лесбосскомъ, элидскомъ, вообще въ асійскомъ эолизмъ, въ асійско-іонійскомъ, кипрско-греческомъ и частію также въ критскомъ *spiritus asper* уже въ доисторическое время исчезъ въ языкѣ повседневной жизни, а во всемъ прочемъ греческомъ онъ постепенно пропадалъ съ года 400 до р. Хр., почему въ теперешнемъ новогреческомъ народномъ языкѣ болѣе совсѣмъ не встрѣчается. Предвѣстникомъ такого исчезновенія служить лишь нѣкоторая нетвердость въ его употребленіи, когда въ устномъ говорѣ онъ является тамъ, гдѣ грамматически выдержанній языкъ недопускаетъ этого, и наоборотъ. Подобныя колебанія всего яснѣе при соприкосновеніи въ языковой области иностычныхъ народовъ. Но по отношенію къ *Kouū* контроль здѣсь очень затруднителенъ, ибо грекъ обыкновенно не писалъ ни дыханій, ни удареній. Однако возможно прослѣдить это явленіе разными косвенными способами. Во 1-хъ, сemu служатъ уже упомянутыя нами заимствованыя слова во вѣтъ-греческихъ языкахъ. Коптъ и особенно семитъ чрезвычайно рѣзко отмѣчаютъ именно приыханія и стараются выразить даже слабый предзвукъ *spiritus lenis*. И вотъ если слово, котороеnormally пишется по-гречески ελτισу, είνος, коптъ транскрибуируетъ *helpizein*, *hethnos*, то отсюда вполнѣ ясно, что ему долженъ быть слышаться тутъ *spiritus asper*: если же—наоборотъ—у него мы находимъ ίδεις (охотно, пріятно) вмѣсто нормально-греческаго *hídeos*, то здѣсь имъ совсѣмъ не ощущалось *spiritus asper*. Равно еврей около времени Іисуса Христа пишетъ ipothiki, ēdra (*אֶתְהִיקִי אֶדְרָה*) для ḥolotkּ, ḥōrخъ наряду съ chakra, chenaz (*חַקָּרָה צְנָזָה*) для ḥakּ, ṣnāzּ, а сиріецъ hes, eriּh для εἰς, ἐπὶ. Въ Новомъ Завѣтѣ мы, какъ сказано, не можемъ уконтролировать начинающіяся гласными звуками слова, ибо рукописи не ставятъ знаковъ приыханія. Но иначе обстоитъ дѣло въ словахъ сложныхъ. Если въ Филипп. II, 23 мы читаемъ (образованное по аналогии съ ḥoraphּ) ḥorâph, гдѣ въ нормально-греческомъ нужно бы ожидать ḥpitâph; если у Лук. VI, 35 встрѣчается ḥfelpitâphontes, гдѣ ожидалось бы ḥpelpitâphontes, или въ Дѣян. XII, 18 σὺ ὀλίγος вмѣсто нормального σὺ ὀλίγος:—то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что тутъ фактически были такія необычныя примѣненія приыханія. Подобныя указанія касательно позднѣйшихъ языковыхъ формъ заключаются въ εὐθέας вмѣсто γενέας. Этую особенность слѣдуетъ выводить изъ позднѣйшей нерасположенности къ тому, чтобы непосредственно слѣдовали одна за другой двѣ приыхательныя согласныя, но въ равной мѣрѣ это можно

объяснять тѣмъ, что семить не терпѣль двухъ согласныхъ въ началѣ слова, почему вмѣстодревнѣйшаго *у-н-* (мышца, рука) позднѣйшій еврейскій языкъ пишетъ *ун-н-* и въ заимствованныхъ словахъ новѣйшей евреи употребляетъ *estratiја* для *стортија*, а сиріецъ *естоли* для *столы*. Тоже и въ греческихъ заимствованныхъ словахъ на коптскомъ языкѣ.

Изъ этихъ формъ, хотя и побочныхъ, можно ясно усматривать, что греческій языкъ Н. З. стоитъ въ цѣпи процесса развитія *Коину* и служить изобильнымъ источникомъ для послѣдней, какъ и самъ во многомъ проясняется изъ нея.

в) Грамматическая формы въ Новомъ Завѣтѣ.

И въ области грамматическихъ формъ мы встрѣчаемъ въ Н. З. уже констатированное нами въ *Коину* стремленіе къ уравненію и упрощенію, чтобы возможно менѣе формъ служили для возможно большаго количества цѣлей. Такъ и при именахъ и при глаголахъ—по іонійскому прецеденту—двойственное число въ Н. З. совершенно исчезло вплоть до несклоняемаго *ббо*, хотя это было уже и у LXX-ти. Равно именит. падежъ все шире выступаетъ вмѣсто звательного, а въ отдѣльныхъ формахъ склоненій все чаще обнаруживается стремленіе къ уравненію. Напр., особая іонійская форма родит. и дат. падежей въ словахъ на *α*: *επείρης*, *μυχαίρη*, еще рѣдкая у LXX-ти, часто встречается въ Н. З., а въ папирусахъ—регулярно. При сокращенныхъ по-аттически формахъ мы часто встрѣчаемъ въ Н. З. іонійскія полныя, напр. *όστεων*. При этомъ замѣтны перескоки отъ первого ко второму склоненію, ибо слова на *-άρχης* могутъ быть склоняемы и по формѣ *αρχης*, а *ό δεῖρας* можетъ имѣть множ. число *οι δεῖραι* наряду съ *τὰ δεῖρα*. Усматривается и переходъ отъ второго къ третьему склоненію, напр., *σαββάτῳ* по второму, *σαββάσι* по третьему, затѣмъ *ο πλοῦτος* и *τὸ πλοῦτος*. Изрѣдка попадается и переходъ отъ первого къ третьему склоненію, напр., *ἡ νική* наряду съ *τὸ νίκος*; послѣдняя форма встрѣчается, напр., въ цитатѣ изъ В. З. (Ос XIII, 14) въ известномъ мѣстѣ 1 Кор. XV, 55: *πῶι ἔστι. δάγκατε, τὸ νίκος*: Подчеркнутая уже склонность *Коину* присоединять *у* къ окончанію винит. пад. 3-го склоненія и такимъ способомъ выравнивать его съ нѣкоторыми корнями третьяго склоненія, особенно же съ винит. пад. 1-го и 2-го склоненій—эта черта многократно проглядывается въ новозавѣтныхъ рукописяхъ и именно высокаго качества. Отсюда не вполнѣ неосновательно допускать, что и сами новозавѣтные писатели пользовались этой формой при составленіи соответствующихъ писаний ⁵²⁾). Впрочемъ, аттическое второе склоненіе въ Н. З. уже

52) Однако Prof. J. H. Moulton (A Grammar p. 49; Einleitung, S. 72) выражаетъ сомнѣніе противъ такой догадки.

клонится къ вымиранію—соответственно процессу языковаго развитія вообще, какъ видно по новогреческому, гдѣ этого склоненія совсѣмъ не существуетъ⁵³⁾.

Въ вѣсма хорошихъ рукописяхъ Іоан. I, 14 и Дѣян. VI, 5 тамъ, гдѣ ожидался бы винит. пад. πλήρης, встрѣчается форма именит. пад. πλήρης. Нѣтъ основаній сомнѣваться, что, хотя бы, у Іоанна эта форма подлинно-авторская⁵⁴⁾. А изъ папирусовъ видно, что πλήρης, по крайней мѣрѣ, въ имен. и вин. пад. было несклоняемымъ, почему употребленная въ Іоан. I, 14 форма является для той эпохи совершенно греческою.

Апостолъ Павелъ въ Ефес. III, 8 отъ превосходной степени εἰλάχιστος образуетъ еще сравнительную εἰλαχιστότερος,—и хотя эта форма пока не открыта въ папирусахъ, но вполнѣ соответствуетъ тогдашнему языковому вкусу, судя по папирусному μεγιστώτατος. Какъ въ папирусахъ, такъ и въ Н. З. допускается двойственная сравнительность посредствомъ сравнительной степени отъ сравнительной же, напр., въ Іоан. 4 μεγιστότερος, и здѣсь опять замѣчается параллель между Н. З. и Κοινѣ.

Уже съ классического времени возвратное ἑαυτοѣ третьяго лица вторгается въ область первого и второго. Такъ, напр., у Іоан. XVIII, 34; ἀφ' ἑαυτοῦ [ἀπὸ σεαυτοῦ] σὺ τοῦτο λέγει...; Наряду съ LXX-ю и Новыемъ Завѣтѣ все больше обнаруживаетъ тенденцію лишить глаголы на—и ихъ особеннаго характера. уравнять ихъ съ глаголами на—ω⁵⁵⁾. Слѣдовательно, также и тутъ господствуетъ стремленіе къ однообразію. И касательно отмѣченного выше взаимоотношенія обоихъ аористовъ Новый Завѣтъ солидаренъ съ Κοινѣ. Въ классическо-греческомъ имѣемъ формы εἴπον, ὡνεύχον, ἔπειτον, а въ Новомъ Завѣтѣ онѣ получаютъ окончаніе аориста сигматическаго, такъ наз. слабаго и звучитъ εἴπα, ὡνεύχκ, ἔπειτα и др. Значить, Н. З. принадлежитъ здѣсь къ тому процессу въ языковомъ движеніи, который достигъ побѣды въ новогреческомъ, гдѣ существуетъ только лишь около двѣнадцати изъ древнихъ сильныхъ ао-

⁵³⁾ Не можемъ не привести здѣсь хоть одинъ примѣръ точности Луки при передачѣ фактovъ: въ Дѣян. XIX, 27 сребрковачъ Димитрій говоритъ объ Ефесской Артемидѣ γῆ μεγάλη Θεά, а въ ст. 37 γραμμатѣ называется ее γῆ Θεᾶς ἡδύ. И, действительно, γῆ Θεᾶς есть классическая форма, и что еще важнѣе—она часто встрѣчается въ Магнезійской написи, какъ обозначеніе великой богини города. Эту „офиціальную“ форму Лука и влагаетъ въ уста офиціального чиновника, между тѣмъ простой человѣкъ пользуется обычною простонародною разговорною формою. Слѣдовательно, Лука старательно и умышленно допустилъ эти вариации (ср. A. T. Robertson, Kurzgefasste Grammatik des neutestamentl. Griechisch, Leipzig 1911, S. 42).

⁵⁴⁾ Prof. J. H. Moulton (A Grammar, p. 50; Einleitung, S. 74) желаетъ въстановить именно эту форму по крайней мѣрѣ у Іоанна и даже у Марка.

⁵⁵⁾ Это явленіе восходитъ къ западно-греческому вліянію.

ристовъ, всѣ же прочіе обращены въ слабые. А когда слабый аористъ не могъ такимъ способомъ вытѣснить сильный, онъ тамъ по крайней мѣрѣ употребляется на мѣсто послѣдняго. Такъ, Апостолъ Павель въ 1 Кор. VII, 28 пишетъ ἥμαρτόν, а въ Рим. V. 14 — ἥμαρτός ⁵⁶⁾.

Иного рода тенденція къ уравненію замѣчается у *verba contracta*. Какъ извѣстно, въ классическо-греческомъ имѣются три рода такихъ глаголовъ: на— $\alpha\omega$, — $\epsilon\omega$ и — $\sigma\omega$. Но въ цѣломъ рядѣ греческихъ діалектовъ,—прежде всего въ съверо-греческомъ, а также въ юнійскомъ и македонскомъ,—уже рано формы настоящаго времени глаголовъ на— $\alpha\omega$ стали по фонетическимъ основаніямъ смѣшиваться съ формами глаголовъ на— $\epsilon\omega$. Такое развитіе соприсуще и Копи, LXX-ти, также и Н. З., а потомъ захватило позднѣе формы и другихъ временъ. И частію въ критически установленномъ текстѣ Н. З., частію въ вариантахъ мы встрѣчаемъ много подобныхъ формъ, напр., ἐλέωутас Rим. XI, 16 наряду съ ἐλεῖ IX, 18, ἐλεῖтас Іуд. 23, икоубы въ Апок. II, 7 по Александрийскому кодексу. Согласно съ Копи Новый Завѣтъ имѣеть и дорійскую форму будущаго πεσοубы ⁵⁷⁾). Изъ всего этого усматривается внутреннее родство языка Н. З. съ Копи. И касательно приращенія—его употребленія и опущенія, приращенія слогового и временнаго — Новый Завѣтъ дѣйствуетъ по правиламъ, извѣстнымъ изъ надписей и папирусовъ.

Что до наклоненій, то уже при изображеніи Копи мы видѣли, что желательное, столь излюбленное у аттическихъ писателей, чѣмъ дальше, тѣмъ больше теряетъ подъ собою почву—прежде всего въ папирусахъ и надписяхъ. Соответственно сему оно совсѣмъ рѣдко и въ Н. З.: у Павла 31 разъ, у Луки 28 разъ, у Петра 4, у Іуды 2, у Матея и въ посланіи къ Евреямъ по разу, а у остальныхъ его и вовсе нѣтъ. Средній залогъ въ греческомъ языкѣ постепенно и прогрессивно пропадалъ: такъ и въ папирусахъ и въ Н. З. ⁵⁸⁾.

56) Но окончаніе 3 л. множ. ч. аориста въ Н. З., кажется, еще не проникло въ область 3 мн. ч. прош. несоверш. вр. (Prof. J. H. Moulton, A Grammar, p. 51 52; Einleitung, S. 76).

57) О многихъ другихъ подробностяхъ см. Ad. Deissmann, Neue Bibelstudien S. 17 ff. (а по-англійски: Bible Studies, Edinburgh 1909, p. 189 sqq.), A. T. Robertson, Kurzgefasste Grammatik des neutestamentl. Griechisch (Leipzig 1911), S. 59 ff.; Winer-Schmidel, Grammatik въ соответствующихъ отдѣлахъ.

58) Еслибы по тщательному сопоставленіи языковыхъ особенностей въ приналежащихъ определенному времени рукописяхъ и надписяхъ могла быть представлена связная „внутренняя исторія“ въ развитіи Копи; еслибы предъ нами въполнотѣ были отличительные признаки египетской, сирійской, малоазійской Копи;—тогда мы были бы въ состояніи достаточно точно опредѣлить рукописи Н. З. Но Копи можетъ помочь и при решеніи нѣкоторыхъ вопросовъ новозавѣтного введенія. По традиціонному церковному воззрѣнію, писанія Апостола Іоанна Богослова

г) Синтаксисъ Новаго Завѣта.

И въ синтаксическомъ отношеніи языкъ Н. З. является склонкомъ и частю *Κοινή*. Въ классическо-греческомъ множ. ч. средняго рода соединяется съ единств. ч. глагола, ибо средній родъ, какъ обозначавшій совокупность данныхъ вещей, принимался за нѣчто колективное, собирательное. Этого правила держатся аттическія надписи, а также и Н. З. Но—съ другой стороны—множ. ч. ср. р., когда относилось къ одушевленнымъ существамъ, напр., *ἡμῖν*, согласуется съ множ. числомъ глагола. Особенно поучительными примѣрами смѣны единств. и множ. ч. глагола при множ. ч. ср. р. служатъ такія мѣста, какъ Исаи. XIX, 31 и Апок. I, 19. Затѣмъ, часто встречается въ Н. З. и соединеніе нѣсколькихъ субъектовъ съ глаголомъ въ единств. числѣ, или такъ наз. Пиндаровская конструкція: напр., въ 1 Кор. XIII, 13 *καὶ δὲ μένετ πίστις, ἐλπίς, ἀπῆτη, τὰ τρία ταῦτα, γδὲ βέρα, надежда и любовь берутся въ качествѣ цѣлостнаго единства, которое всегда останется, когда всѣ другія духовныя дарованія прекратятся.*

Много обсуждалась и формула *εἰς τὸ ὄνομα*, особенно при разсмотрѣніи вопроса о значеніи таинства крещенія⁵⁹⁾. Извѣстіе новѣйшихъ изысканій въ области папирусовъ выходитъ, что здѣсь *ὄνομα* часто употребляется въ юридическомъ смыслѣ „лица“; одинъ жрецъ покупаетъ землю *εἰς ὄνομα Θεοῦ*, на имя, т. е. для—Бога; капиталистъ позволяетъ чрезъ своего банкира передавать деньги *εἰς ὄνομα кому-либо*, т. е. въ его долгъ; упоминаются просьбы *εἰς τὸ τοῦ Θυσιλέως ὄνομα*, т. е. на имя царя. Посему и *Ἐχθρίζειν εἰς τὸ ὄνομα* Тріединаго Бога значить приводить въ существенное единеніе съ Нимъ для возстановленія принадлежности Ему и усвоенія Имъ. Конечно, эта конструкція могла быть и семитизмомъ, ибо и въ еврейскомъ *שם* употребляется для замѣны термина „лицо“ (личность), а въ позднѣйшемъ еврейскомъ самъ Богъ называется *שֵם־יְהוָה*—„имя“ и говорится о *לְעֹבֶד־שֵם* или „имени Ваала“. Нельзя опускать и такія мѣста, какъ Іорем. XV, 16: „имя Твое наречено на мнѣ, Господи, Боже Саваоѳ“, т. е. я составляю собственность или личную принадлежность Твою. Наконецъ, нужно еще обратить вниманіе, что въ *Κοινή* употребленіе *εἰς* съ вин. пад. стало усиливаться за счетъ *ἐν* съ дат. пад., какъ и вообще дат. пад. въ теченіе развитія все больше и больше исчезаетъ, пока въ

⁵⁹⁾ См. Гермесъ, №№ 2, 3, 4, 5 и 6.

⁶⁰⁾ Ср. о семъ у проф. Н. Н. Глубоковскаго, Благовѣстіе св. Апостола Павла I (Слб. 1905), стр. 726, 21; II, стр. 1175, 1204, и у проф. С. М. Зарина, Современныя открытия въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту, стр. 96 сл.

новогреческомъ совершенно вымираетъ⁶⁰). Съ этой стороны сі: тѣ
бѹица было бы равнозначуще съ єв тѣ бѹицти. Однако, насколько осторожными нужно быть въ констатированіи семитизмовъ.—показываетъ и оборотъ Марк. VI, 7, что Христосъ послалъ учениковъ Своихъ ѡбо Ѹбо, т. е. по двоемъ или парами. Это оборотъ истинно греческий, поелику встрѣчается даже у Эсхила и Софокла, въ папирусахъ III в. до р. Хр., равно въ среднегреческомъ и доселъ въ новогреческомъ. Тотъ фактъ, что данный оборотъ находится въ греческомъ языке и въ семитскихъ мы можемъ объяснить, пожалуй, тѣмъ, что какъ единицы пересчитываются асиндетически, такъ и двойки. Священный писатель какъ-бы созерцаетъ, что ученики Христовы уходятъ отъ *лица* Господня парами—одна пара за другой. Латинянинъ со своими *singuli, binī, ternī* выражаетъ во множественности то, что грекъ и равно семитъ отмѣчали двоекратнымъ названіемъ единичности.'

Именит. пад. въ Апокалипсисѣ часто употребляютъ тамъ, где его нельзя бы ожидать, напр., въ качествѣ приложения къ существительному въ другомъ падежѣ. Рѣдкостное (Апок. I, 4) ἥπ̄ ὁ ϕ... кажется, нужно понимать въ смыслѣ собственного имени, при чемъ *ὁ ϕ* есть переводъ имени Божія: „Который есть“ или „Сущій“, хотя *ο*—членъ, а не относительное мѣстоименіе, каковымъ оно—само по себѣ—могло-быть. Многочисленное употребленіе именит. пад. съ членомъ въ обращеніяхъ (возваніяхъ), какихъ случаевъ въ Н. З. до 60-ти, есть признакъ еще болѣе возобладавшаго позднѣе расширенія имен. пад. за счетъ все болѣе исчезающаго звательного. Очень много примеровъ сего и въ папирусахъ и въ надписяхъ.

Дат. пад. употребляется въ Н. З. въ различныхъ значеніяхъ. Обороты въ родѣ ἵχοι ἵλοισεται часто считались евраизмами; однако необходимо отмѣтить, что такія конструкціи, какъ γάμῳ γάμειν, доказаны и въ народномъ греческомъ языке.

Превосходная степень въ Н. З. клонится уже къ вымиранию. Въ отличіе отъ сравнительной степени, превосходная чаще всего выражаетъ лишь усиленіе въ смыслѣ „очень“ (весъма), каковое употребление тоже встрѣчается въ папирусахъ.

Насколько хорошо языкъ надписей можетъ помочь намъ въ разрѣшеніи экзегетическихъ, или, собственно, библейско-богословскихъ задачъ,—для сего можно указать, напр., особенно важный примѣръ изъ области синтаксиса члена. Старый споръ насчетъ

⁶⁰⁾ Согласно сему можно-бы понимать и своеобразный оборотъ Іоан. I, 18: ὅν εἰς τὸν κόλπον τοῦ πατρός—Сущій въ лонѣ Отца, буквально по-классическому: Сущій внутри въ лонѣ Отца. Но предлогъ εἰς съ вин пад. могъ быть употребленъ вместо єв съ дат. пад., и тогда это изречение выражало-бы, что Логосъ (Сынъ) есть Сущій внутри въ лонѣ Отца.

Тит. II, 13, относится ли вся фраза *τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν* — Господь Христос къ Иисусу Христу, Который тогда будетъ нашимъ „великимъ Богомъ“, или же она указываетъ раздѣльно двухъ лицъ: „великаго Бога“ и „Спасителя нашего Иисуса Христа“. Понятно, что это весьма важно для христологіи Апостола Павла, равно какъ и точное грамматическое истолкованіе 2 Фесал. I, 12; Іуд. 4: Ефес. V, 5; 2 Петр. I, 1: Дѣян. XX, 38 существенно для пониманія этихъ мѣстъ. И вотъ въ одной надписи II вѣка до р. Хр. встрѣчается оборотъ *τοῦ μεγάλου θεοῦ εὐεργέτου καὶ σωτῆρος [ἐπιφάνους σύγχριστου]*, где безспорно, что оба опредѣленія относятся къ одному лицу, обожествленному царю. Сверхъ того цѣлый рядъ папирусовъ VII вѣка по р. Хр. доказываетъ, что такое употребление члена было тогда господствующимъ. Но прежде всего важно, что находить подтвержденіе въ древнѣйшихъ папирусахъ правило о томъ, чтобы членъ ставился однажды, если два существительные относятся къ одному и тому-же лицу. Соответственно сему и у Тит. II, 13 Апостолъ Павелъ называетъ именно одного Иисуса Христа „великимъ Богомъ и спасителемъ нашимъ“. Отсюда видно, что изученіе *Κοινή* (вспомогательно) можетъ обеспечивать богословію чрезвычайно важные результаты⁶¹⁾.

Числительное *εἷς* пріобрѣтало смыслъ неопределенного мѣстоименія. Уже у Аристофана трудно различаются *εῖς* отъ *τοῖς* въ рѣчахъ выводимыхъ имъ лицъ, говорящихъ народнымъ греческимъ языкомъ. Подобное находимъ въ папирусахъ: *ἐπελθόντες ἐπιρίζουσιν οἰκίαν* (папирусъ 30 изъ коллекціи лорда Амхерста отъ II в. по р. Хр.) и совершенно то-же въ Н. З.

Новѣйшее языковое изслѣдованіе научило еще, чтобы, отправляясь отъ понятія такъ наз. „способовъ дѣйствія“, мы обращали вниманіе на значеніе отдѣльныхъ временъ. Такъ, напр., нужно различать *μή* съ повелит. накл. настоящаго времени и *μή* съ сослагат. накл. аориста: *μὴ θορυβεῖτε* разумѣеть тѣхъ, кто уже шумитъ, и утишаешь ихъ, а *μὴ θορυβεῖτε* предполагаетъ такихъ, которые могли бы лишь въ будущемъ поднять шумъ, и предупреждастъ ихъ не начинать его. Значить, если при моральныхъ увѣщаніяхъ Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ 47 разъ употребляетъ *μή* съ повелит. накл. наст. вр. и только 8 разъ съ сослагат. накл. аориста и если вообще въ Н. З. первый встрѣчается 134 раза, а второй 84 раза — изъ нихъ

⁶¹⁾ Впрочемъ, Prof. L. Radermacher, Grammatik, S. 158 не желаетъ и не совѣтуетъ много полагаться на грамматику, считая возможнымъ видѣть тутъ лишь грамматическую нѣбрежность конструкціи. Подобно и Шмидель Но въ такомъ случаѣ мы впадаемъ въ произволъ.

29 разъ у Матея, 9 разъ у Марка и 19 разъ у Луки⁶²), —то последнее доказываетъ, насколько авторитетно-властно было положеніе повелѣвавшаго и заповѣдавшаго Христа Спасителя, а первое удостовѣряетъ, что Апостолъ Павелъ — по выражению проф. J. H. Moulton'a⁶³) — не боролся противъ воздушныхъ мельницъ, рекомендую отвлеченные правила для неизвестнаго будущаго, но высказывалъ вполнѣ реальная предостереженія противъ уже бывшихъ въ общинахъ или готовыхъ возродиться пороковъ⁶⁴). Слѣдовательно, новѣйшее грамматическое изслѣдованіе фактически даетъ намъ въ руки нѣкоторыя средства отчетливѣе выяснить моральную исторію Павловыхъ общинъ и опредѣлить ихъ подлинный нравственный уровень въ томъ смыслѣ, что и онъ должны были бороться, что и для нихъ Евангелие было пока закваскою. Какие важные результаты получаются изъ этого,—повидимому, побочнаго—изученія грамматики Н. З. и Коуы вообще! Проф. J. H. Moulton указываетъ⁶⁵) такія значенія для *μὴ πάσιν*: „перестань“, „не дѣлай“ (отъ времени до времени, по временамъ). „не смѣй дѣлать“ (ибо ты уже готовъ это дѣлать), „не соблазнишь дѣлать это“. Достопримѣчательными случаями для различія временъ служатъ, напр., еще слѣдующія мѣста: Рим. VI, 13: *μὴ παρεστάνετε* — перестаньте опять предоставлять ежедневно ваши члены грѣху, при чемъ естественно должна предполагаться нравственная борьба, по сравненію съ *παραστήσατε* — представьте себя наконецъ Богу и такъ сдѣлайтесь свободными. Очень поучительно и Деян. XV, 37–38: Варнава хочетъ Марка *ὑπακολαβεῖν*, онъ думаетъ только о томъ, чтобы опять взять его спутникомъ и признавать за такового. Напротивъ, Апостолъ Павелъ не желаетъ его *ὑπακολαβεῖν*: онъ думаетъ о тѣхъ треніяхъ и испытаніяхъ, которыя каждый день могутъ быть съ ненадежнымъ человѣкомъ, если его братъ съ собою. Въ Деян. XXII, 16: „омой грѣхи твои, призвавъ имя Господа Иисуса“ аористъ *βάπτισῃ* указываетъ на нѣчто уже совершенное, такъ что Апостолъ Павелъ былъ крещенъ. Весьма поучительно и Иоан. XVII, 2: Богъ далъ Сыну — въ самый моментъ Его посланія (*έδωκε*) — власть надъ всякою плотью, чтобы всю непреходящую полноту своего существа (*έδωκε*), жизнь вѣчную, далъ имъ, если они къ Нему придутъ (*δέσθη*): вѣчная-же жизнь состоитъ въ постоянномъ познаніи Бога, истиннаго Бога, и посланного Имъ Христа.

⁶²) Cp. Prof. J. H. Moulton: A Grammar, p. 122 sqq.; Einleitung, S. ff., 199 гдѣ даны перечни для отдѣльныхъ книгъ Н. З.

⁶³) A Grammar, p. 126; Einleitung, S. 204–205.

⁶⁴) Достопримѣчательно, что писавшій для языкохристіанъ павлиністъ Лука употребляетъ 27 разъ повелит. накл. наст. вр. противъ 19 разъ сослагат. накл. аориста; у Матея отношеніе 12:29, у Марка 8:9, у Иоанна въ Евангелии и посланіяхъ 19:1, у Павла 47:8, у Іакова 7:2.

⁶⁵) A Grammar, p. 126; Einleitung, S. 204.

Есть и еще цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ вниманіе къ формѣ времени имѣеть важное значеніе, напр., Филипп. II, 7 сл.; Иоан. XVII, 4; XIX, 2 и др.

Въ теченіе развитія греческаго языка прошедшее совер-шенное время уступило свое мѣсто аористу и вымерло до со-всѣмъ незначительныхъ остатковъ. Слѣдовало-бы обращать вниманіе, имѣются-ли въ Н. З. признаки начинаящагося упадка прош. соверш.

Въ области будущаго различаютъ нынѣ оттѣнокъ длительно-сти и непосредственнаго или наступающаго дѣйствія. Если въ 1 Кор. XV, 28 Апостолъ Павелъ говоритъ: *τότε ὑποταχθήσεται*, то по проф. J. H. Moulton'у⁶⁶⁾ это могло-бы означать, что второе пришествіе Господа мыслилось, какъ нѣчто такое, что откроетъ новый родъ подчиненія Сына Отцу, а не продолжающееся состояніе, которое вполнѣ видимо уже заранѣе.

Средній залогъ отмѣчаетъ, что „дѣйствіе не переходитъ изъ сферы даннаго лица“, прекращается въ немъ. Соответственно сему нужно понимать такія мѣста, какъ Іак. IV, 12 слл.; 1 Иоан. V, 15; Марк. VI, 22—25; X, 35, 38 и др.

Если филологи установили, что въ *Καινή* чѣмъ дальше, тѣмъ больше исчезало *ἄν*, то Н. З. можетъ только подтвердить это возврѣніе. Изъ приведенной у проф. J. H. Moulton'a⁶⁷⁾ таблицы ясно, что у Іакова *ἄν* съ сослаг. наклон. только разъ, а *ἄν* съ изъявит. или желат. со-всѣмъ нѣть, въ Апокалипсисѣ первое 5 разъ, а второго тоже нѣть, у Марка первое 30 разъ, второе съ аористомъ однажды. Съ изъявит. давнопрошедшаго времени *ἄν* встрѣчается въ Н. З. лишь однажды у Иоанна, съ желат. аориста только трижды и именно у Луки. Больше всего употребляется *ἄν* у Матея—63 раза.

Сопринаадлежность новозавѣтнаго греческаго языка къ *Καινή* обна-руживается въ томъ, что *μή* все больше получаетъ преобладаніе по сравненію съ *οὐ*. Прежде всего *οὐ* было совсѣмъ вытѣснено при при-частіяхъ, а Н. З. столь-же мало любить *οὐ* *μή*, какъ и папирусы, и въ подавляющемъ большинствѣ употребляетъ это сочетаніе въ цитатахъ изъ В. З. и въ изреченіяхъ Господа Спасителя. Проф. J. H. Moulton⁶⁸⁾ того мнѣнія, что въ священномъ языкѣ предпочитаются реченія совер-шенно рѣшительнаго тона⁶⁹⁾. Нужно замѣтить, что здѣсь въ боль-шинствѣ случаевъ мы должны считаться съ семитическими ориги-налами.

⁶⁶⁾ A Grammar, p. 149, Einleitung, S. 234—235.

⁶⁷⁾ A Grammar, p. 166; Einleitung, S. 260.

⁶⁸⁾ A Grammar, p. 192; Einleitung, S. 303.

⁶⁹⁾ Ср. выше о *μή*, съ сослаг. аориста.

Совпадаетъ съ характеромъ Кану́ и то, что въ Н. З. желательное наклоненіе примѣняется столь рѣдко—15 разъ и 23 раза другихъ, при чмъ 15 случаевъ у одного Апостола Павла. Тоже и касательно употребленія неопределеннаго наклоненія и причастія. При послѣднемъ отрицаніе выражается чрезъ и, а при отрицаніи несомнѣнного факта въ Н. З., какъ и въ папирусахъ, ставится с. Касательно употребленія с. и и при причастіяхъ поучительно Мате. XXII, 11 сл. Царь выходитъ на пиръ посмотретьъ гостей и находитъ тамъ человѣка сихъ ἐνδεδυμένου ἐνδυμα γάμου. Поскольку можно судить по словамъ о дѣйствительности,—это есть неоспоримый фактъ. Но потомъ царь обращается къ этому человѣку съ такимъ вопросомъ: какъ ты вошелъ сюда и єшь єндову γάμου? Человѣкъ не надѣлъ брачной одежды, однако онъ могъ и имѣлъ удобства это сдѣлать. Но,—съ другой стороны,—это и могло выражать, что царь желаетъ дать ему еще случай исправиться и загладить свою погрѣшность противъ доброго обычая. И здѣсь мы видимъ, съ какою тонкостю въ новозавѣтномъ языке отмѣчаются различія и до какой степени трудно передать ихъ на другихъ языкахъ.

Новый Завѣтъ—не искусственный продуктъ, какъ аттическая литература, а въ качествѣ γραφѣ Νεότυπος является произведеніемъ такого человѣческаго пера, которое не привыкло къ писательству и не ставить его собственною цѣллю. Это показываетъ поразительная рѣдкость непрямой, косвенной рѣчи, столь преобладающей у писателей въ родѣ Фукидида и Ливія. Обыкновенно всѣ рѣчи передаются въ прямой форме.

3. Риторическая параллели между Новымъ Завѣтомъ и древними памятниками.

Новѣйшее изслѣдованіе Кану́ открыло намъ глаза и на риторические способы выраженія въ Н. З. Если Господь говоритъ: „Я есмь дверь овцамъ... Я есмь паstryръ добрый“ (Иоан. X, 7, 11); „Я есмь путь и истина и жизнь“ (Иоан. XIV, 6); то это столь же восточно-царски, сколько и вполнѣ по гречески-народному. Царь Вавилонскій Саргонъ I провозглашаетъ: „Саргонъ, могущественный царь, царь Аккада—это я“. Подобно говоритъ и Меша Моавитскій (IX в. до р. Хр.) въ найденной въ 1868 г. въ заіорданской области (на востокъ отъ Мертваго моря) надписи: „я—Меша сынъ Кемошмелека, царь Моавитскій“. Вотъ два примѣра изъ множества таковыхъ. Такъ же начинаются и культовые, посвященные Изида надписи (ср. у Діодора I, 27): „я—Изида, владычица всякой жизни... Я юнѣйшаго бога Кроноса старѣйшая дочь“. Подобное можно читать и во многихъ магическихъ папирусахъ.

Затѣмъ, въ новѣйшее время рѣзко поднять вопросъ о томъ, суть ли Павловы писанія и подобныя имъ въ Н. З.—письма или посланія? Въ первомъ случаѣ это были бы документы взаимообщенія только данныхъ лицъ, предназначенные не для публики и гласности, а для одного или нѣсколькихъ человѣкъ, по своему существу чисто личные памятники. Во второмъ случаѣ предъ нами будутъ литературныя произведенія для широкой публики, но только въ формѣ писемъ. Дейманъ въ своихъ изслѣдованіяхъ⁷⁰⁾ пришелъ къ заключенію, что всѣ Павловы писанія, 2-e и 3-e Іоанна суть письма, а Іакова, Петра, Іуды, къ Евреямъ и (—какъ это ни кажется удивительнымъ—) Апокалипсисъ носятъ больше характеръ посланій, при чемъ 1 Іоанна можно признать религіозною діатрибой или назидательнымъ трактатомъ, гдѣ безъ особой специальной связи изложены христіанскія размышенія для общаго иоученія всѣхъ вѣрующихъ.

Однако еще вопросъ, можно ли распределительную классификацію Деймана прямо примѣнить къ новозавѣтной письменности⁷¹⁾. Если въ Кол. IV, 16 Апостолъ Павелъ выражаетъ желаніе, чтобы церкви Колосская и Лаодикійская обмѣнялись полученными у нихъ посланіями, то очевидно, что его писанія къ отдѣльнымъ общинамъ не были столь частными, чтобы не быть пригодными и для другихъ. Конечно, Павловы посланія содержатъ чрезвычайно много интимнаго, но въ нихъ всегда изобилуютъ данныя и общаго (догматическаго) достоинства. Можно даже сказать, что эти посланія должны были замѣнить устную апостольскую проповѣдь. Если во II-й главѣ 2 Фессал. св. Павелъ пишетъ о „днѣ Господнемъ“, то онъ желаетъ этимъ разъяснить принципіальный вопросъ, а въ такомъ случаѣ —развѣ онъ заранѣе не предвидѣлъ и не преднамѣчалъ судьбу资料его посланія? Вѣдь пророки это предусматривали (ср. Ис. XXX, 8 и др.). Дозволительно съ рѣшительностю думать, что Апостолъ Павелъ усвоялъ своимъ посланіямъ гораздо большее значение, чѣмъ это дѣлалъ по отношенію къ своимъ кто-либо изъ авторовъ писемъ, найденныхъ въ Египтѣ. Вѣрно, что и Павловы посланія вызваны были тѣми или иными современными обстоятельствами извѣстнаго момента, но они должны были дѣйствовать и приносить плодъ до пришествія Господа и далѣе —въ вѣчность. Если бы благовѣстника спросили, доколѣ сохраняютъ силу выраженные въ его посланіяхъ увѣщанія, то, разумѣется, отвѣтъ былъ бы тотъ, что они обязательны до второго явленія Господня. Такое посланіе, какъ къ

⁷⁰⁾ См. особенно Licht vom Osten. S. 2168 ff.

⁷¹⁾ См. по этому предмету у проф. Н. Н. Глубоковскаго, Благовѣстіе св. Апостола Павла I, стр. LXIX; II, стр. 951—952, 953 сл., 1112, 1159, 1244 1245, и у проф. С. М. Зарина, Современные открытия въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту, стр. 110 сл.

Галатамъ, по всему характеру своему предназначено для болѣе обширнаго круга и потому съ этой стороны подходитъ до извѣстной степени къ посланію Іаковлеву, обращенному къ „двѣнадцати колѣнамъ, находящихся въ разсѣяніи“ (І, 1). И вообще внѣшнюю форму нельзя превеличивать. Христианство взяло и внѣшнія формы писанія, чтобы наполнить ихъ новымъ духомъ, какъ и въ области словаря, такъ что давно знакомыя формы выражаютъ тутъ нѣчто совсѣмъ другое ⁷²⁾.

Равно и смѣна ε;ῳ и ἡμεῖς въ Павловыхъ посланіяхъ ⁷³⁾ имѣеть для себя параллели въ позднѣйшей греческой литературѣ и въ папирусахъ. Впрочемъ, касательно смѣны чиселъ единственного и множественного не открыто опредѣленныхъ законовъ. Такъ, въ Нібѣх-папирусѣ отъ 253 г. читается: ὁρῶντες... ὑπάρχου. Пожалуй, можно отмѣтить, что Павловы посланія написаны больше съ точки зрењія оратора-проповѣдника, который видитъ своихъ слушателей предъ собою и непроизвольно объединяется съ ближайшими изъ нихъ ⁷⁴⁾.

Такъ и при разсмотрѣніи новозавѣтнаго языка въ его связи съ языкокъ народнымъ мы видимъ исполнившимся священное изреченіе (Мате. XXI, 16): εἰ στόματος υπῆρχε καὶ Ηγίαζόντων καταρτίσω αἷμα.

Н. Глубоковскій ⁷⁵⁾.

⁷²⁾ Ср. для сего и новый трудъ проф. Ed. Norden'a, Agnostos Theo^c (Leipzig 1913). Достойны большого вниманія и обстоятельныя указанія проф. Joh. Weiss'a въ статьѣ „Neutestamentliche Litteratur“ въ энциклопедіи „Die Religion in Geschichte und Gegenwart“ III, S. 2202 ff., где авторъ сильно охлаждаетъ горячія преувеличенія по поводу сближенія новозавѣтныхъ писаній съ свѣтскими.

⁷³⁾ Ср. Karl Dick, Der schriftstellerische Plural bei Paulus, Halle a. S. 1900. См. о папирусахъ у Prof. J. H. Moulton'a въ „The Expositor“ (London) 1903, II, p. 107.

⁷⁴⁾ Но см. еще у Rev. E. H. Askwith, „I“ and „We“ in the Thessalonian Epistles въ „The Expositor“ 1911, II, p. 149—159.

⁷⁵⁾ Работа исполнена въ Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ (Терской области) въ юлѣ—августѣ 1914 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Введеніе	1—4
I. Исторія греческаго языка до Коунѣ:	
1) Діалекти	4—6
2) Доаттическій „языкъ“	6—7
3) Аттическій діалектъ	7—9
4) Аттическій народныи языкъ	9—10
II. Коунѣ:	
1) Исторія	10—12
2) Сущность Коунѣ	12—13
3) Источники Коунѣ	13—18
III. Языкъ Нового Завѣта:	
1) Семитизмы	19—20
2) Языкъ Нового Завѣта и Коунѣ:	
а) Словарь	20—23
б) Фонетика Нового Завѣта	23—25
в) Грамматические формы въ Новомъ Завѣтѣ	25—27
г) Синтаксисъ Нового Завѣта	28—33
3) Гіторическая параллели между Новымъ Завѣтомъ и древними памятниками	33—35

**КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**
www.bible-md.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской духовной академии (<http://www.mpda.ru>), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Дмитрий Юрьевич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте.

**На сайте кафедры
www.bible-md.ru**

- ✓ **электронные книги для свободной загрузки**
- ✓ **информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе**
- ✓ **информация об издаваемых кафедрой новых книгах**
- ✓ **методические материалы по библеистике**
- ✓ **пособия и источники для изучения Священного Писания**

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ
ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И
ПРОСВЕЩЕНИЯ
«СЕРАФИМ»**
www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Наша главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской духовной академии.

На сайте Фонда
www.seraphim.ru

- ✓ **информация о деятельности Фонда**
- ✓ **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- ✓ **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- ✓ **возможность заказа он-лайн книги и компакт-диски, подготовленные к изданию при участии Фонда**